Николай Улагашев

Подготовитель: Е. Гаврилов

Улагашев Николай Улагашевич

Улагашев, Николай Улагашевич (17.03.1861, Кам-Тыт урочища Сары-Кокша, — 30.01.1946, Ойрот-Тура) — алтайский советский сказитель (кайчи), исполнитель героического эпоса, сказок и др. Его сравнивают с Гомером, Александром Пушкиным, называют достоянием нации. Записанный от Улагашева фольклор составил основной фонд произведений устного народного творчества алтайцев, собранный и опубликованный в советское время.

С юных лет усвоил множество песен и сказаний, исполнял их под аккомпанемент топшура. Герои его — лучшие сыны народа, они мужественны, мудры и человечны.

Улагашев Николай Улагашевич

В 16 лет он заболел трахомой и лишился зрения. Для него навсегда погасло солнце. Улагашев еще более развил свою врожденную емкую память. Большой знаток алтайского народного эпоса Николай Улагашев мог петь семь ночей подряд одну сказку. Он пел о горе народном, о его умонастроениях и надеждах на светлое будущее.

Творчество Николая Улагашева — подлинно народно и в этом его сила. Свежие образы, яркие краски исключительное мастерство исполнения всегда отличали произведения народного сказителя, пользующегося уважением и любовью алтайского народа. Почти шесть десятков лет своей жизни сказитель был свидетелем нищеты и страданий своего народа, находившегося под двойным гнетом — русского царизма и местных баев и зайсанов. Зайсан Темей придирчиво относился к Николаю Улагашеву - последний не соблюдал обычая почитать всесильного зайсана.

Был однажды такой случай. Приехал Темей со своей свитой в аил Улагашева. Был зайсан не в духе и придирался к сказителю. Уезжая, Темей потребовал, чтобы Николай поехал с его свитой. Но и этого ему показалось мало.

— Почему Николай все время сзади едет? — Закричал он, останавливая свою лошадь-— Пусть впереди едет, дорогу к урочищам показывает.

Николай хлестнул свою лошадь, подъехал к зайсану, по звуку голоса определил, где тот стоял и, вперив на него свои невидящие глаза, сказал:

— Если у солнца и луны проводниками служат звезды, то для вас, великий зайсан, и слепой проводником может быть. Не могу ослушаться, поезжайте за мной.

Зайсан этого никак не ожидал. Он думал, что Улагашев будет умолять смилостивиться над ним, а тот еще и над зайсаном смеется. Рассвирепел Темей:

— Двадцать пять розог! — крикнул он свите.

Свита рада стараться. Зайсан уехал, а слепой певец остался лежать на земле лицом вниз, без сознания.

Когда пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, слепой певец впервые в своей жизни почувствовал, что воцарилась правда, о которой кайчи пел в лучших своих сказках, как о золотом сне. Вокруг закипела радостная, счастливая жизнь. И певец Ойротии становится в ряды ее строителей. Посильной работой в колхозе «Чалмон-Алтай», словом и музыкой Николай Улагашев участвует в строительстве социалистической Ойротии.

Н.У. Улагашев

В 1937 году на Алтай приехала московская фольклористка Анна Гарф. Она и Павел Кучияк отправился в новую большую поездку по сбору народных сказок. Добрая людская молва привела их на одну отдаленную колхозную ферму, расположенную в верховьях Сары-Кокши. Там они увидели слепого старика, который сидел под вековым кедром и плел ременные узды. Вокруг старика на мягкой зеленой траве лежали дети и слушали сказки.

Это был известный на Алтае сказитель Николай Улагашевич Улагашев. П.В. Кучияк записал от него несколько сказок. Анна Гарф помогла ему перевести их на русский язык.

«Однажды летним вечером приехали мы на лесную поляну. Там под мохнатым кедром на берегу ручья сидел перед небольшим костром-дымокуром могучий старик. Широкие плечи, седая борода, белое лицо, большие белые руки. Он разминал и шил нарезанные узкими полосками куски сыромятной кожи, шорничал. Это был знаменитый на Алтае кайчи Николай Улагашев, слепой сказитель «Алып-Манаша», услышанного от Улагашева, Павел Васильевич Кучияк смог записать, только когда мы вернулись в Ойрот-Туру, теперешний Горно-Алтайск, то есть дней двадцать спустя».

Вскоре Улагашев переехал в город. Кучияк стал его частым гостем. Он приходил к нему с толстой тетрадью и садился записывать былины. Но, в отличие от других сказителей, старик пел быстро и записать текст за ним было почти невозможно, тем более, что он не любил, когда его останавливали и переспрашивали.

Н.У. Улагашев и П.В. Кучияк

Кучияк записывал только содержание, а иногда, заслушавшись, совсем забывал о карандаше. Позднее, дома, он воспроизводил всю былину, шел к сказителю и читал. Улагашев слушал, где было нужно — вносил поправки. Так было записано семь былин. Все они вошли в книги Н. Улагашева, изданные на алтайском и русском языках.

П.В. Кучияк, который хлопотал о награждении Н.Улагашева, убеждал: «Мыклай Улагашев, это и человек, труженик, колхозник, хотя и слепой, а работает. Он из тех, кого знаю, самый достойный кайчи. Может замечательно кайларить и помнит много сказаний. Если все, что он помнит, записать, пожалуй, и жизни не хватит. Такого старика поддержать надо».

О том, что он, Павел Кучияк, замечательный сказитель, глубокий знаток и собиратель устного народного творчества, остро нуждался в поддержке, поощрении и в первую очередь в жилплощади не было сказано им ни слова.

Увлеченные возможностью прославить слепого кайчи, А.Гарф с Кучияком написали об Улагашеве очерк, который был опубликован в «Литературной газете».

31 января 1939 года Н. У. Улагашев Указом Президиума Верховного Совета СССР был награжден орденом «Знак Почета».

В журнале «Сибирские огни», 1939, № 2, вышел очерк Кучияка П. и Коптелова А. "Николай Улагашев, певец Ойротии".

В Новосибирске в начале 1939 г. выходит радиопередача «Сказки Улагашева».

Кучияк писал в апреле 1939 года из Ойрот-Туры А.Л. Коптелову: «…Анкету для него я заполнил, автобиографию его написал и три карточки отправил в адрес правления ССП СССР. Деньги ему на дорогу пришлют из Москвы. Я с ним, видимо, не смогу поехать — работы выше головы... У меня сейчас народу полный дом: Улагашев со своей внучкой… Сказки Улагашева записывают другие люди, но литературно править, наверно, буду я, только нескоро». «Он у меня живет, как отец. Областные организации не могут найти ему квартиру и создать условия».

16 мая 1939 года Улагашев выехал в Москву, где был заслуженно награжден орденом «Знак Почета» — такое случалось на Алтае впервые — награждение кайчи!

Н.У.Улагашев и внучка Юренчи

Известен тот факт, что когда Михаил Иванович Калинин, вручая в Кремле орден «Знак Почета», спросил Улагашева, много ли он знает сказок, тот ответил, что рассказывать их надо года два.

На обратном пути сказитель останавливался в Новосибирске для переговоров о переводах и издании исполняемых им героических сказаний. В переводах новосибирских поэтов вышли его два тома героического эпоса: «Алтай-Бучай», Новосибирск, 1941 и «Малчи-Мерген», Ойротиздат, 1947.

В № 5—6 журнала «Октябрь» за 1939 год публикуется очерк Кучияка «В гостях у кайчи» (о Н. Улагашеве).

Александр Фадеев в 1939 году в письме обкому партии и облисполкому отмечал, что «Н. У. Улагашев... замечательный слагатель песен и сказок» и нужно «добиться их квалифицированной записи».

В соответствии с этим письмом Н. У. Улагашеву были выделены штатный секретарь московская фольклористка А. Л. Гарф, постоянное денежное пособие.

Улагашев знал тридцать две поэмы и более сотни сказок. Хранил в памяти легенды и предания, песни, пословицы и поговорки своего народа, складывал свои стихотворения.

Всю свою жизнь путешествовал по алтайским селам и исполнял героических сказания, сохранившихся в народной памяти с древних времен и которые сейчас составляют значимую часть алтайского героического эпоса. Все произведения Улагашев исполнял «каем» - особым видом горлового пения.

От него П. В. Кучияк и другие алтайские фольклористы записали многочисленные сказания, изданные в 1939—1947 годах в восьми различных сборниках на алтайском и русском языках, в их числе «Алып-Манаш», «Малчи-Мерген», «Алтай-Буучай».

Н.У. Улагашев и Н.Куранаков

Утверждают, что никто в Горном Алтае не знал и не понимал так глубоко героический эпос, как Павел Васильевич Кучияк. Многие приходили к Н. У. Улагашеву записывать былины, но чаще всего уносили домой чистые тетрадки.

Неграмотный певец-кайчи пел сказания, пользуясь определенным набором фраз, хорошо известными формулами и эпитетами. Но каждый раз певец импровизировал вновь и вновь на основную тему. Так же творил и Кучияк, но свои импровизации он уже мог записывать. И записывал он наилучшие варианты. И всякий раз этот отбор был настолько убедителен, что даже Улагашев, весьма придирчивый исполнитель, не прощавший ошибок, оставался доволен записями, сделанными Кучияком по памяти.

— Не мастер,— говорил старик очередному неудачнику.

— Вот был Кучияк — это мастер!

«...Мастера не стало. Живу зря, работать, как мастер, никто не умеет, потрудиться как следует не с кем. Орден свой как теперь отработаю?»

Судя по письмам Кучияка, он иногда заполнял пробелы эпизодами из вариантов сказаний, слышанных от своей бабушки. Использовались и другие варианты. В этом и состояла обработка записи, порой далекой от точности: записывать за Н. Улагашевым было трудно.

«У Улагашева сказки всегда содержат много песен. Если эти сказки записаны другими лицами, все равно они записывают прозой, и порой неудачные записи, поэтому я в корне обрабатываю их, при этом согласую с тов. Улагашевым. В сказках, обработанных мною, почти ничего не остается от записи, потому что записыватели многих слов Улагашева не понимают: его язык тубаларский».

В алтайском языке шесть диалектов. Улагашев говорил на языке племени туба.

Записи сказаний Улагашева, сделанные Кучияком, вошли в девятитомное издание алтайского героического эпоса «Алтай-баатырлар», когда обоих этих мастеров — кайчи и писателя — уже не было в живых.

У Н. Улагашева была любимая сказка «Юч-Кыс» («Три девицы»). П. Кучияк записал эту сказку и на ее основе создал феерическую пьесу, в которой участвовали, кроме трех девиц, богатыри, семиглавый людоед Дельбеген, добрая бобриха и старый волшебник. В пьесе были оживающие деревья, цветы, грибы и другие «жители леса». В этом спектакле, так же пользовавшемся известным успехом, П.В.Кучияк исполнял роль кайчи, под песню которого поднимался занавес.

Сказания, исполняемые Улагашевым, вошли в 6-томное издание «Алтайские богатыри» («Алтай баатырлар», т. 1—6, 1958—1968).

В 1939 году в Ойрот-Туре вышла первая книга его произведений — «Алтайские сказки» (на алтайском языке).

Его сказка «Три девушки» ставилась на сцене Алтайского национального драматического театра. Наибольшей популярностью пользуются такие его стихи, как «Два закона», «Играй, играй, мой топшур», «Песня Октября», «Москва» и другие.

В годы Великой Отечественной войны, прикованный тяжелой болезнью к постели, Николай Улагашевич внимательно следил за борьбой советского народа с фашистскими захватчиками, восхищался богатырскими подвигами советских воинов, мечтал о создании лучшей своей сказки о богатырях земли Советской.

Советское правительство высоко оценило заслуги Н.У. Улагашева перед народом, наградив его орденом медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».

1 февраля 1946 г. газета «Красная Ойротия» сообщила о том, что «Ойрот-Туринский городской Совет депутатов трудящихся и городской комитет ВКП(б) с глубоким прискорбием извещают трудящихся города о смерти ойротского сказителя Николая Улагашевича УЛАГАШЕВА, последовавшей 30 января 1946 г. после длительной и тяжелой болезни».

Газета писала: «Обширный зал национального театра к 4 часам дня заполнен трудящимися города. На высоком пьедестале, обвитом гирляндами цветов и зелени, гроб народного сказителя Ойротии— Улагашева Николая Улагашевича. Возле него близкие родственники покойного и почётный караул из представителей общественных организаций. Длинной лентой, друг за другом идут члены городских коллективов предприятий и учреждений для того, чтобы отдать свой последний долг покойному.

Наступает торжественная минута. С возвышенного места поднимают гроб Улагашева. Впереди несут орден и медали, которыми был награждён Николая Улагашевич. Стройными рядами идут колонны трудящихся провожать в последний путь человека, который внес большой вклад в национальную культуру ойротского народа».

Впоследствии в Горно-Алтайске Н. У. Улагашеву открыт памятник из белого мрамора.

В 1989 году в столице Республики Алтай, г. Горно-Алтайске, на пересечении проспекта Коммунистического с улицей Чаптынова в окружении темных пихт был установлен монолит из белого мрамора Н.У. Улагашеву работы П.И. Богомолова.

Его имя присвоено улицам в различных населённых пунктах Республики Алтай. В Горно-Алтайске ул. Кирпичная в марте 1961 года переименована в ул. Н. У. Улагашева.

23 сентября 2010 года было принято решение создать музей им. Н. У. Улагашева как научный центр сохранения, изучения и популяризации культурного наследия народного сказителя. 18 марта 2011 года недалеко от села Паспаул открылся музей Николая Улагашевича Улагашева (Музей Н.У. Улагашева у с. Паспаул). Открытие музея было приурочено к 150-летию со дня рождения Улагашева. Мемориальный комплекс включает гостевую юрту, дом-усадьбу, мастерскую народных промыслов. Но это было только… первое открытие. 17 марта 2013 года в третий раз(!!!), якобы официально, музей открыт вновь. Стоимость вложений составила, по заявлениям администрации, 12-13 млн. рублей.

В 2012 году горно-алтайский журналист, поэт Виталий Андреевич Бочкарев на личные средства издал книгу своих поэтических переводов тубаларских сказаний Н.У. Улагашева "Богатыри черневой тайги", с иллюстрациями горно-алтайского художника В.М. Попова, в частной типографии в селе Рыбалка, тиражом 500 экземпляров. В сборник вошли четыре произведения: "Шокшыл-Мерген", "Хан-Кюлер и конь его Кара-Кюрен", "Бойдон-Кёкшин", "Эрзамыр". Уникальность издания в том, что названные произведения Улагашева впервые предлагаются читателю в литературном варианте на русском языке.

У широкого круга читателей появилась возможность не зная алтайского языка заглянуть в древнюю историю народа, познакомиться с героическим эпосом Горного Алтая.

Жизнь Николая Улагашевича Улагашева была посвящена одной цели. Он, как опытный мастер-гравировщик, собирал алмазы народного творчества, перерабатывал их, гравировал и уже в полном их блеске возвращал народу в виде готовых, ярких, самобытных сказок. Раньше трудно было приставить себе человека в Горном Алтае, который бы не слышал об Улагашеве, не знал его прекрасных сказок, не читал их.

Как хотелось бы, чтобы хорошее оставалось в народе, и потомки бы не забывали и были достойны своих великих предков!

Материалы об Улагашеве Н.У. на сайте

Материал подготовил Е.Гаврилов. 15 сентября 2015 года.

Кучияк П. и Коптелов А. Николай Улагашев, певец Ойротии

Пятого февраля, как всегда, Николай Улагашев проснулся до рассвета. Он разбудил сына и сказал ему:

- Время на ферму идти, кормить скот... Набил трубку листовым табаком, выкурил. Оделся, взял крепкий еловый костыль и, ощупывая им путь, вышел из дома.

Ядреный февральский морозец коснулся его морщинистого лица. Старик запрокинул голову, - ни одна пушистая снежинка не упала на его щеки. Лес на ближних горах молчал. Слегка поскрипывал снег под ногой.

«День будет погожий, ясный», - подумал старик. Прошел по двору.

По всей деревне пели голосистые петухи. Мычали недоеные коровы, зовя к себе доярок с телятами. Молодой парень гнал на водопой колхозных лошадей, звонкая песня его летела к чистому голубому небу:

Не страшны нам снежные горы, -
Мы проедем на быстрых конях.
Не страшны нам вражьи угрозы, -
Армия закалена в боях!
Эхо летало от горы к горе.
Наши верные кони выросли
На высоких зеленых лугах,
Наша крылатая армия
Закалена в хасанских боях!

- Хорошо поет! - воскликнул старик. — Умеет молодежь сочинять сильные песни!..

Николай вспомнил, что до большого праздника осталось 18 дней. Он давно ждет этот праздник Красной Армии. Он споет там песню, как пел не раз своим колхозникам в день первого мая и в годовщину Октябрьской революции.

Старик вернулся в дом, сел к окну. Щеку его через оконное

стекло ласково погладил нежный луч: взошло солнце над лесистыми горами.

Внуки ушли в школу. В руках старшей снохи зашуршали старые, жесткие овчины, - кому-то починяет шубу. Хорошо думать в тишине! Можно вспомнить всю свою жизнь день за днем, все 78 лет. Из этой длинной веретеницы - 62 года темных. А вот теперь-то и нужны глаза! Посмотрел бы сейчас на радостные улыбки счастливых колхозников, на их сияющие, довольные глаза, и это еще больше скрасило бы старость.

Тяжела была жизнь в молодости. Тогда не пели сильных и веселых песен, а все грустные. Но в сказки давно народ вкладывал свои думы о лучшей жизни, о расправе с обидчиками, обиралами и ворами-зайсанами, баями и шаманами. Много таких сказок хранит емкая память. Вот хотя бы одинокий мальчик Ырысту, который в раннем детстве жил на солнечной стороне одновершинной горы, на берегу молочного озера. Хан обманул доверчивого мальчика; увез к себе, обещая усыновить, и сделал своим рабом. Но Ырысту узнал одно сильное слово — «пып!». Достаточно было произнести это слово, как враг прилипал к земле. Маленький раб почувствовал себя сильным. Ростом он был с козленка, но теперь хан перед ним дрожал, как мышь, зажатая в ладонь. А ханша стояла перед мальчиком, как большая лягушка. Даже знаменитый шаман ускакал от него опозоренный. Мальчик произносил свое «пып!», и ханская семья прилипала к земле. Теперь он мог не работать на хана. Мог даже минутку посидеть на его троне. Зная одно сильное слово, мальчик ушел от насильника и опять стал жить на цветущей вольной горе, у молочного озера.

Представив себе ханскую семью слепленной в один клубок и шамана припаянным к большому камню, старик улыбнулся:

«Хорошую, веселую сказку сложил народ! Я к ней ничего не прибавил. В памяти каждое слово свято хранил...»

Левой рукой достал трубку, набил сухим, как пепел от бумаги, крепким табаком.

На дворе заскрипел снег под копытами коня. По скрипу слышно - у крыльца остановился верховой.

Распахнулась дверь пятистенного дома, и ворвался взволнованный, радостный голос сына Адыйока, который уже третий год работает на почте кольцевиком:

- Отец! Вам телеграмма!..

Старик встал и шагнул навстречу сыну, попросил поясней повторить незнакомое слово.

- Те — ле — грамма!.. По проволоке... Из Кремля... От правительства. ..

- Не понимаю, о чем ты говоришь.

Старик вспомнил, что в сказках богатыри разговаривают друг с другом по конскому волосу, а в жизни — начальники - по проволоке. Но ведь он не начальник. Кто ему может послать телеграмму, неграмотному и слепому? Да и о чем?.. Не иначе как напутал Адыйок.

- Ты не в тот дом заехал, сын мой...

- Нет, все правильно, - сказал почтальон. - Советское правительство наградило вас орденом «Знак почета». Вот вам телеграмма. - И сын положил на жесткую широкую ладонь старику маленькую свернутую бумажку.

Старик пощупал бумажку, нежно погладил ее.

«Эх, если бы глаза были зрячими, теперь бы я грамоту знал и сам бы увидел, какую радостную весть принесла эта маленькая бумажка», - подумал Улагашев и обратился к сыну:

- Скажи мне правду, что тут написано.

- Советское правительство наградило орденами сто семьдесят два писателей, народных певцов, сказителей. Вы, отец, награждены вместе с ними, как сказитель.

- За сказки?!

Николай почувствовал себя молодым. Сердце его застучало часто-часто. Улыбка большой радости залила все морщины на его смуглом лице. Впервые в жизни талантливый сказитель не находил слов для выражения своего высокого чувства.

На улице — гул знакомых голосов. Скрипнула дверь. В дом ворвалась большая струя холода: вошло много гостей. Все - соседи-колхозники из артели «Чолмон Алтая».

Глаз гостей горели радостью, щеки их розовели, как цветы сараны. В доме старого сказителя начался праздник. Гости подходи ли к нему, жали руку и поздравляли с высокой наградой.

В полдень гурьбой пришли школьники поздравить старейшего любимого певца и рассказчика народных произведений.

- Дедушка! А сегодня нам сказку расскажете? - спросил за всех самый старший из них.

Старик знал, что дети любят длинные героические сказки, но сегодня не хотел утомлять их, - им ведь нужно школьные книжки читать да задачи решать, - и, прокашлявшись, сказал:

- Сегодня - одну, маленькую, про серого воробышка.

Ребята сели, кто на лавку, кто на пол.

- Очень давно это было, - начал старик. - Жил на Алтае один серый воробышек. Он любил гоняться за мотыльками потому, что находил их очень вкусными. Однажды гнался серый воробышек за вертким мотыльком. Очень долго летал, из сил выбился, а поймать не мог. Мотыльку удалось спрятаться в густой листве акации. Серый воробышек потерял его и решил на тот же куст присесть отдохнуть. С разлета опустился на ветку... А там были острые шипы. Укололся воробышек, заплакал. А когда слезы высохли, полетел к овце, которая паслась на ближней лужайке:

- Овца, овца пойдем со мной акацию есть!

- Некогда. Я тут траву ем.

Рассердился воробышек, полетел к волку:

- Волк, волк, пойдем со мной овцу есть!

- У меня и так корму много. - И волк отрыгнул кусок мяса.

Серый воробышек полетел к охотнику:

- Охотник, охотник, пойдем со мной волков стрелять!

Охотник взял лук, побежал к волку и пустил стрелу. Пронзенный стрелой, волк бросился, овцу есть. Овца испугалась и побежала акацию жевать.

- Так тебе и надо, гадкая акация! Зачем воробышка уколола?

Последние слова старик произнес громко и сам засмеялся:

- Вот и сказке конец.

Ребята хохотали, благодарили старика, просили еще рассказать что-нибудь.

- Только не сказку... Про жизнь поговорим. С вами я всегда чувствую себя молодым, потому что вы - самые счастливые дети на земле. А вот в мои молодые годы тяжело жилось детям бедняков, ой как тяжело!.. Ходили босые, раздетые, голодные... Грамоты не знали...

Детство талантливого певца Ойротии было горьким, как полынь. Юность и молодость — тяжелы и безрадостны.

В 1861 году, в одной из долин, возле Телецкого озера, в бедной юрте охотника Улагаша родился мальчик. Стояла холодная зима, и даже в юрте из лиственничной коры промерзла земля.

Чтобы младенец не боялся морозов, родители смазали его конским салом и завернули в шкуру горного козла.

Стали ждать первого гостя.

Проездом остановился на стойбище русский охотник. Его встретили приветливо и, следуя обычаям, спросили, какое имя дать новорожденному.

- Назовите Николаем, - сказал проезжий. — Хорошее имя!.. У меня тоже есть сын Николай.

Так появился на стойбище кочевников младенец с незнакомым русским именем.

Детей у охотника и без него было полна юрта. И все малолетки. Кормить их было нечем и одевать не во что. А зима суровая, того и гляди померзнут отощавшие малыши. И Улагаш возле самого очага вырыл яму, а жена постелила сухой травы -ойнот. Эта трава в те годы заменяла беднякам и матрасы, и портянки. В яму родители стали укладывать на ночь всех детей и покрывать одной звериной шкурой.

Жизнь была столь суровой, что из всех детей Улагаша выжил только один Николай, самый здоровый и выносливый.

Семилетним мальчиком Николай уже помогал отцу в тяжелой работе. Летом они за кусок курута нанимались к баям косить сено, заготовлять дрова. Осенью уходили в кедрачи собирать орехи. А по первому снегу Улагаш отправлялся вглубь гор на охоту. Это было его главным занятием. И он решил с детства приучить сына к охотничьему промыслу. Когда Николаю исполнилось девять лет, отец стал брать его с собой на осеннюю охоту. Мальчик вставал на лыжи и шел за отцом по лесистым падям и хребтам. За спиной у него, как у настоящего охотника, висело ружье. Но Николай был так мал, что прикладом пахал снег. Знакомые охотники, дойдя до его лыжни, добродушно смеялись:

- Здесь прошел большой охотник Николай, - всех белок перестреляет, нам не оставит!..

Охотник из Николая вышел хороший. Белок он бил только в глаз, чтобы шкурки не портить.

В пятнадцать лет Николай уже выглядел зрелым мужчиной. Он был высокий, широкоплечий, обладал густым мощным голосом. А по выносливости и силе он превосходил многих взрослых. На охотничьих становьях бывало так: все несут к костру хворост, а Николай - целые смолевые колодины и бревна. Возвращаясь с охоты по глубокому снегу, он нес на себе, кроме пушнины, две-три туши козлиного мяса и все-таки носки лыж его были впереди всех.

У охотничьих костров Николай услышал первые героические сказки-поэмы и навсегда полюбил их. Там искусные сказители - кайчи, аккомпанируя себе на двухструнном топшуре, пели такие длинные сказки, что каждая из них занимала несколько ночей.

Все, что слышал Николай у костра под зеленым кедром, навсегда оставалось в его памяти. Он быстро освоил богатое творческое наследство. Однажды в кружке родственников и знакомых зашел разговор об искусных сказителях. Кто-то высказал сожаление, что нет среди них кайчи. Тогда из-за спин пожилых людей раздался голос:

— Можно мне спеть?..

Все удивились, - такой молодой и решается петь героическую сказку!

Мальчик взял топшур, ударил по струнам из конского волоса и, как самый искусный кайчи, запел:

Из могучего кедра,
От одного корня выросшего,
Сделан ты, топшур мой.
Две тонкие струны,
Из конского волоса свитые,
На тебе натянуты, топшур мой.

Из старого кедра,
Выросшего от двух корней,
Сделана скрипка моя.
Две тонкие струны,
Из конского волоса свитые,
На скрипке моей натянуты.
Под моими двумя пальцами
Струны твои, топшур мой,
Нежно звенят.
Многочисленный народ наш
Любит, скрипка моя,
Слушать тебя.
Под моими десятью пальцами
Ты весело звенишь,
Топшур мой.
Люди, сидящие здесь,
По тебе соскучились,
Тошпур мой.
В двух руках моих
Будь многоголосным;
Слова, мною сказанные,
Звоном украшай.

Спел молодой парень запевку. Спел низким и густым голосом, как искусный сказитель, и всем понравилось. Поднесли ему чашку араки. Выпил Николай и запел сказку про богатыря Алып-Манаш:

«... Алып-Манаш крикнул, сто богатырей кричат. Конь его ногами топнул, как сто громов гремят. Слеза, повисшая на тонкой реснице, не успела упасть, -- Алып-Манаша уже не видно. Едва успел богатырь на восход солнца взглянуть, оказывается, конь его уже к закату подлетал. Едва успел Алып-Манаш заметить тающую утреннюю луну, оказывается, конь его уже к закату подлетал. Едва успел Алып-Манаш заметить тающую утреннюю луну, оказывается, конь его уже примчал к огненной, восходящей в вечернем небе. Куда конь копытом ударял, там черные озера появлялись. Низкие горки конь мягко отбрасывал, высоким горам на грудь наступал. Вот уже виден дым над стойбищем Ак-Каана. На все четыре копыта конь разом стал. С места не идет, будто ноги пустили в землю цепкие корни... В гневе Алып-Манаш удилами коню рот до ушей разорвал. Нагайкой ему круп до костей рассек. Как вихрь, бело-серый конь взвился. В гору, под гору он, как птица, летел, по долине, как вода, бежал. Алып-Манаш с Ак-Кааном сражаться ехал»...

Много часов без отдыха пел юный сказитель, никто домой не ушел.

С тех пор пошла по горам добрая слава о новом кайчи. За 20-30 верст начали приезжать люди к Улагашу, чтобы послушать его сына. Издалека приходили охотники на то становье, где ночевал молодой сказитель. Бывало, пел он семь ночей подряд. И все одну и ту же сказку, повторяя ни одного эпизода. Вот какие длинные народные произведения знал Николай!

Но, несмотря на большую физическую силу сына, несмотря на талант и известность сказителя, бедность не покидала юрты Улагаша.

- Когда же мы расплатимся с баем Барабашем? — спрашивал Николай отца. — Когда же хорошая жизнь придет на наше стойбище?

- Гора Белуха высока, ее вершину рукой не достанешь сказал отец, покачав головой. - Так и счастье для бедняка -сколько ни тянись к нему, никогда не дотянешься.

В юрте Улагаша, как у всех алтайцев в то время, было грязно. О полотенцах не знали. Глаз никогда не умывали, боясь навлечь беду на стойбище. Трахома ходила по юртам кочевников. В 16 лет болезнь унесла зрение Николая.

Голубые хребты, серебристые снежные вершины, зеленые леса с россыпями цветов, бурные реки - все залила вечная тьма. Единственную отраду теперь Николай находил в чудесных, жизнерадостных сказках, в которых повествовалось о том, как бедняк побеждает хитрого и злого зайсана, как дряхлые старики становятся молодыми, а слепые — зрячими.

Герои сказок Улагашева - выходцы из бедняцких юрт. Они начинают свою жизнь в столь же тяжелой нужде, в какой жил сам сказатель. Они вступают в единоборство с сильными ханами и всегда побеждают ханов, зайсанов, шаманов и даже самого доброго бога Ульгеня, а над злым подземным богом Эрликом они смеются и потешаются. Самые сильные и умные из героев сказок Улагашева вступают с Эрликом в жестокую схватку и побеждают его. Герои сказок покоряют природу - прокладывают дороги через горы, строят мосты через реки, выводят воду в долины, чтобы оросить поля.

Горька и тяжка была жизнь Улагашева при баях и зайсанах. Приходилось опасаться, как бы какая-нибудь из смелых сказок не дошла до ушей начальства.

Ни болезнь, ни крайняя бедность, ни бесконечные издевательства баев и зайсанов не сломили талантливого сказителя. Его поддерживала любовь, которой окружали близкого народу кайчи в бедняцких юртах и в становьях шишкобоев. Это помогло ему сквозь черные грозовые тучи байско-кулацкой власти, сквозь дикие бури национальной вражды, разжигаемой попами, баями, торговцами и чиновниками, бережно пронести, как любимое дитя, свое прекрасное искусство.

Вечерело.

Горы, покрытые мехом горностая, погружались в тишину.

Резкие крики кедровок уже не доносились из густого хвойного леса, окружающего деревню: сытно поужинав, птицы заснули на мохнатых ветках.

Тихо во дворах. Задремали петухи. Только коровы пережевывают жвачку да кони в колхозной конюшне с хрустом перемалывают на зубах душистое сено.

В домах горят керосиновые лампы. Школьники учат уроки. В одном доме ребята разговаривают о стихах Некрасова, о баснях Крылова. Внуки старого кайчи читают по-алтайски сказки Пушкина. Старик слушает их, опершись локтем на подушку. Он думает о том, какие прекрасные сказки принесли детям книги, напечатанные где-то далеко, в большом городе. В прежние времена богатырям приходилось писать друг другу записки на крыльях перелетных гусей: бумаги на всем Алтае не было. А теперь вот книг - как звезд на ясном небе! Наверно их рассылают повсюду из солнечной Москвы, откуда пришла эта маленькая бумажка с большой радостью. Бумажка от советского правительства!

Старик подумал о вождях великой страны. Они близки и дороги ему, как жизнь. Они знают его слепого сказителя, колхозника далекой долины! Какие они?.. Были бы глаза, хотя бы на картине посмотрел. А то приходится довольствоваться рассказами внучат, у которых много портретов Ленина и Сталина. Были бы глаза, так давно бы уже научился грамоте и сам бы читал теперь книги любимых вождей...

Старик вспомнил богатыря Сартакпая, сильного и мудрого. Сартакпай проложил дорогу по берегу Катуни, схватил молнию голой рукой и зажал в расщеп сухого дерева, и ему было светло, пока он строил мост через большую реку. Правду, тому богатырю не удалось закончить моста... Но ведь то была мечта народа о покорении природы, об искоренении баев и зайсанов, о счастливой жизни. Сартакпай - это наше сегодпяв Рассказывают, что у Катуни, возле Сартакпаевой дороги сияет в стеклянных пузырьках молния, пойманная людьми. Это называется - лампочка Ильича, по-ученому - электричество.

Вожди партии и правительства велики и сильны. По мудрости нет им равных. По заботливости о трудовом народе они подходят на отца, любящего своих детей.

Они прислали бумажку о высокой награде. Они как бы уже пожали руку старого сказителя. Теплота от бумажки струится по руке, растекается но всему телу. Сердце бьется радостно. Старый кайчи расскажет вождям, сколь горька и тяжка была жизнь трудового народа до революции; расскажет, что вчерашние бедняки и кочевники сегодня в колхозах стали зажиточными и живут счастливо.

Спасибо тому, кто дал Советскую власть —

Незабвенному, славному Ленину — богатырю!

Спасибо тому, кто создал колхозную жизнь —

Великому, мудрому Сталину — богатырю!

Так скажет старый кайчи перед народом, перед любимыми вождями.

Дверь отворилась. Внуки сказителя замолкли. Незнакомый человек по-русски спросил:

- Здесь живет кайчи Николай Улагашев? Я за ним приехал из облисполкома.

Старик встал, протянул правую руку.

- Поздравляю от души! - сказал русский человек, пожимая руку Улагашева. - Поедемте со мной. Орден получать!..

- Я хочу сына с собой взять, - сказал старик. — Он будет мне, слепому, проводником.

- Пожалуйста, кошевка у меня широкая, конь резвый!..

Старик с сыном одели козлиные дохи. Инструктор сел на кучерскую беседку. Бархатновороной конь рванул кошевку крупной рысью, и под полозьями примятый снег.

На крыльце долго стояли улыбающиеся сыновья, снохи и внучата сказителя.

Народ любит свою литературу, любит своих писателей и поэтов.

Правительство дало советской литературе высокую оценку: орденами Союза награждены 172 работника художественного слова. Среди них - писатели, поэты, сказители. Рядом с именами М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, Л.Н. Толстого и многих других любимых писателей страны, в Указе Верховного Совета СССР стоят фамилии известных и любимых пародом сказителей — М.С. Крюковой из с. Золотицы, М.М. Коргуева из Карелии, Цуга Теучежа из Адыгеи и многих других. Этой высокой награды удостоен и Николай Улагашев, талантливый сказитель Ойротии. Они бережно донесли до наших счастливых и радостных дней <.. .> замечательные песни, сказки, легенды и сказы, сложенные трудовым народом в далеком прошлом. Они помогают миллионам трудящихся овладеть художественным наследством и глубже, яснее понять этапы истории.

(Сибирские огни. 1939. №2. С. 147-152.)

Источник.

Сказитель Николай Улагашев. Алтайские героические сказания, Горно-Алтайск, 2011

Перевёл в текстовой формат Е. Гаврилов, 1 октября 2015 г.

Коптелов А. Улагашев Н. У. и ойротский народный эпос

I

17 марта 1861 года в долине Сары-Кокши у охотника Улагаша из племени Туба родился мальчик. Отец обрадовался сыну и, взяв ружье, отправился в лес. По дороге он напевал:

Черного соболя убью —
Сына в шкурку заверну.
Жирного марала свалю —
Сыну шашлык зажарю.

Это были слова из любимой народной героической поэмы, и он повторял их без конца.

Той порой в юрте старухи-родственницы смазали тело ребенка конским салом и положили к груди матери.

— Теперь морозов не будет бояться! Вырастет здоровым, сильным!..

Отец вернулся с тушей косули, и родственницы завернули новорожденного в звериную шкуру.

Стали ждать первого гостя.

У коновязи остановился знакомый русский охотник. Улагаш, предупрежденный лаем собаки, вышел встретить гостя, принял повод его коня.

— Ты приехал в хороший день! — воскликнул он. — Имя парнишке дашь!

Они вошли в юрту. Улагаш усадил гостя на шкуру кабарги на мужской половине жилья, подогрел араку1 над костром и налил в деревянную чашку вровень с краями.

— Всю зиму берег: парнишку ждал!

1 Арака — самогонка из молока.

Охотник принял чашку, сделал легкий поклон и сказал:

— Назовите Николаем. Хорошее имя!.. У меня тоже есть сын Николай.

Гостя благодарили.

Мать несколько дней твердила незнакомое имя: — Мукулай... Микулай...

На следующую осень, ожидая суровую зиму, Улагаш вырыл в юрте, возле самого очага довольно глубокую яму. Жена постелила в нее сухой травы — ойнот, которая в те годы заменяла беднякам матрацы и портянки. На ночь детей укладывали в яму и закрывали звериными шкурами.

Зима была морозной, и в юрте застыла земля.

Вскоре на детей навалился «худой огонь». Они умирали один за другим.

— Злой Эрлик унес... Чем его задобрить? — спрашивала Бачак своего мужа.

Улагаш молчал. Про себя он повторял самые грозные ругательства по адресу подземного бога. Это были слова из народного эпоса, и Улагаш не боялся, — не он ругает Эрлика, а богатырь, которого он вспомнил ко времени.

Богатырь в единоборстве победил злого бога и взял с него клятву никогда не делать людям ничего плохого. Почему же Эрлик не унимается?

Из всех детей Улагаша выжил один Николай. Видно, правду сказали старухи, что младший сын вырастет здоровым и сильным. Вот и среди богатырей так же: младший сын всегда сильнее и мудрее всех!

Семилетним мальчиком Николай уже помогал отцу в домашней работе. У них было пять лошадей и пять коров. Они сеяли по полдесятине ячменя. Но от своего хозяйства семья не могла прокормиться, и в летнее время Улагаш нанимался к баям косить сено, заготовлять дрова. Осенью он уезжал в кедрачи бить орехи. А по первому снегу отправлялся в глубь лесов на охоту. Это было его любимое занятие, и он решил с детства приучить сына к охотничьему промыслу. Когда мальчику исполнилось девять лет, отец сделал ему новые лыжи, подбил их шкурками с ног коня. Николай пошел за отцом по лесистым падям и хребтам. За спиной у мальчика, как у настоящего охотника, покачивалось ружье. Но Николай был так мал, что прикладом бороздил снег. Знакомые охотники, дойдя до его лыжни, добродушно смеялись:

— Здесь прошел большой охотник Николай, — всех белок выбьет, нам не оставит!..

Охотник из Николая вышел хороший. Белок он бил только в глаз, чтобы шкурки не портить.

Охотничье становье Улагаша было под старым кедром, опустившим косматые ветки до самой земли. Рядом с кедром на всю ночь разводили костер. Вечерами отец пел о богатырях. Мальчик восторгался их победами над иноземными захватчиками — ханами и зайсанами, завидовал их вечному лету, которое наступало, как только кончалась победоносная война. По ночам мальчику снилась золотая кукушка, прилетевшая оттуда, где — вечное лето, Уговорить бы эту кукушку навсегда остаться здесь! Может быть, от ее кукованья растаял бы снег... Разве поймать ее!.. Но кукушка улетала. А крылья ее долго были видны на небе, как два полумесяца.

На промысел выходили перед рассветом. Николай частенько останавливался в сонном лесу и подолгу смотрел на небо, усыпанное звездами, среди них он отыскивал коней тех богатырей, о которых отец пел минувшим вечером. Особенно ему нравилось созвездие

трех маралух (Орион). Охотник убил зверей одной стрелой. Вон он, оставив коля, подходит к ним... Выбежали бы сейчас так три козла, Николай убил бы их одной пулей!

В пятнадцать лет Николай приобрел славу первого охотника в долине Сары-Кокши. Возвращаясь на стан по глубокому снегу, он нередко, кроме нескольких десятков шкурок белки, нес по две— три косули. Он был высокий, широкоплечий, обладал чистым мощным голосом. Руки у него были большие, цепкие, сильные. На артельных охотничьих становьях бывало так: все несут к костру хворост, а Николай, целые смолевые колодины и бревна.

О нем говорили:

— Богатырем растет!.. Отцовских сказок наслушается — будет горы с места на место переставлять.

* * *

Однажды во время кедрового промысла на стан Улагаша пришел бродячий кайчи1! Кобак Тадыжеков. Его спросили, где он гостил последние недели, почему его давно не было видно в родных местах.

1 Кайчи — певец.

- Лежал: спину заживлял...

И он рассказал, что дней двадцать тому назад его вызвали к зайсану Тобокову в село Карасук,

— Отказывается платить!... — крикнул сборщик податей и толкнул Тадыжекова к ногам князька, сидевшего на коврах. — На колени, подлый!

- Отказывается? — переспросил зайсан, выбивая о носок сапога пепел из трубки; заметил в руках Тадыжекова самодельный топшур1, поднял глаза и воскликнул с нескрываемым злорадством:

1 Топшур — двухструнный музыкальный инструмент.

— О-о, да это тот самый, который про богатых поет нехорошее!

— Он самый.

— Сколько за ним?

— Три рубля.

— За каждый рубль — по десять плетей, — распорядился зайсан и зазвенел кисетом, украшенным золотыми подвесками. — За худые песни прибавите...

Тадыжеков оборвал свой рассказ и попросил табаку.

— Ну и как сейчас? Не поешь? — опросил отец.

— Песню убить нельзя, — ответил кайчи. — Они все умрут, а песня останется. И я умру — песня будет жить.

Николай широко открытыми глазами смотрел на знаменитого кайчи. Отец не раз говорил:

Слово старика в мешок прячь,

Слово умного в карман клади,

Слово мудрого за пазуху заткни.

И Николай каждое слово кайчи клал себе на сердце, туда где, по словам стариков, у человека находится ум.

Выждав, когда все на минуту смолкли, он попросил спеть про кого-либо из сильнейших богатырей.

Сказитель согласился; настраивая топшур, сказал:

— Спою то, что слышал от твоего дедушки. Хороший был кайчи!

И Тадыжеков запел о богатыре Курман-Тойчи, освободившим народ, плененный Кюн-каном.

Струны топшура то нежно звенели, то рокотали, как буря над лесом. Густой, гортанный голос сказителя напоминал изменчивое журчанье горной речки. Веселый речитатив вдруг уступал место протяжному пению, легкая ирония—острому сарказму или гневному вскрику.

Несколько раз добавляли дров в костер. Старались сделать это бесшумно, чтобы не помешать певцу. Никто ни разу не взглянул на звездное небо.

Над лесом занялась оранжевая заря. Закричали кедровки на вершинах деревьев. Пора бы на промысел, но кайчи продолжал свою песню. И его слушали, забыв обо всем.

Знаменитый сказитель прожил на становье три дня и спел несколько увлекательных богатырских сказаний. На четвертый день он стал собираться в путь. Его долго уговаривали. Ведь он своими сказаниями услаждал слух горных духов, которые платили за это, сгоняя к охотникам зверей со всей округи. Но кайчи сказал:

— Пойду к другому огню. В тайге сейчас много людей. Ждут меня.

В его суму положили сыр и вяленое медвежье мясо.

— Приходи еще. Мы тебе добудем выдру: сошьешь себе шапку лучше, чем у богатыря.

— Приду, — пообещал сказитель и пошагал по старой козлиной троте. — На Синей горе вился дымок. Мой путь— к тому костру.

Николаю хотелось бросить все и вместе со сказителем отправиться в бесконечное путешествие по становьям шишкобоев и охотников.

* * *

В долине Сары-Кокши жил еще один знаменитый сказитель — Кыдыр Отлыков из сеока1 юс. Людей этой кости не любили в долине Сары-Кокши. Особенно не любил их сеок кюзен, к которому принадлежал Николай. Временами между людьми этих сеоков вспыхивала вражда. Юстеров называли хулиганами и ворами. Улагаш говорил своему сыну: — Где живут юстеры, там всегда сороки и вороны клюют кровь.

1 Сеок — род, кость.

И объяснял свои слова нелепой легендой, которую породила междуродовая неприязнь. По этой легенде, юстеров всегда должно быть сто человек. Так и сеок назывался — сотня (юс). Если родится сто первый, то сородичи его убивают, как лишнего человека.

В семье Улагаша не могли спокойно слышать имени кого-либо из юстеров. Но Николая очень интересовали героические сказки, которые пел юстер Кыдыр Отлыков, и однажды юноша тайком от родителей ушел в юрту талантливого кайчи. Сказитель долго отказывался петь человеку кости кюзен, но под конец согласился. Он спел ему про богатыря Кан-Сулутая, который в жестоком единоборстве победил злого подземного бога Эрлика.

На следующий вечер Николай снова пришел в юрту сказителя, и Кыдыр спел ему поэмы «Бадай-Гора» и «Кан-Кеглен» и Кан-Юнюты».

Узнав, куда ходит сын, Улагаш пришел в ярость,

— Ты знаешь, что он — юстер? -- спросил отец сына.

— Но... он поет очень хорошие сказанья! За это зайсан драл его плетью... Кадыр поет лучше всех людей нашей кости! — сказал сын и стал убеждать отца, что Кыдыр - лучший человек в долине, что все худые рассказы о юстерах — выдумка злых людей.

Так древние народные сказания подружили людей двух сеоков враждовавших между собою.

* * *

В деревне Паспаул жил слепой сказитель, бобыль Сабак Боченов. Он кормился тем, что приносили ему люди, приходившие слушать богатырские сказания.

В свободные от работы вечера Николай приезжал в Паспаул и до утра оставался в избе слепого певца. Кайчи спел ему «Ак-бий», «Алтын-Билек», «Тарлан-Коо» и много других народных поэм.

Слушая его, Николай заучивал запевки, концовки, диалоги, «крылатые слова», которыми так богаты ойротские народные поэмы; заучивал все то, что А. Н. Афанасьев называл «сказочной обрядностью» и что позднее было названо «сказочным каноном».

Однажды в кружке родственников и знакомых, собравшихся в юрту Улагаша, зашел разговор о любимых богатырях. Один гостей высказал сожаление, что нет среди них кайчи. Тогда из-за спин пожилых людей раздался голос юноши:

— Можно мне спеть...

Гости, удивились, — такой молодой и решается петь героическую поэму.

— Я уже пять лет пою про богатырей, — сказал Николай. -Ребятам пою. В лесу.

Он взял топшур, ударил по струнам и запел низким, густым мощным голосам, как самый искусный сказитель. Гости позабыли про трубки, про недопитую араку в чашках. Они вслушивались в каждое олово из любимой поэмы об Алтай-Бучае.

Когда Николай запел о девушке Темене-Коо, которую конь примчал с неба, чтобы она оживила богатырского сына, разрезанного на кусни, на щеках женщин блеснули слезы.

Много часов без отдыха пел юный сказитель, никто не кашлянул, не перебил его.

С тех пор пошла по горам добрая слава о новом кайчи. За 20—30 километров стали приезжать люди к Улагашеву, чтобы послушать его сына. Издалека приходили охотники на то становьё, где ночевал молодой сказитель.

Летом Николай собирал на скалах сухие листья бадана. Теперь баданом дубят кожи, а раньше в русских деревнях Алтая его употребляли вместо чая. Зимой Улагашев повез продавать бадан в Старо-Бардинский район. В селе Елей остановился у одного знакомого. Целый день ходил по селу. А вечером, вернувшись на квартиру, увидел там старика с топшуром.

— Прикочевал к нам из-под города Кузнецка, — сказал хозяин. — Этого старика там все знают.

Это был бобыль Яемат, известный профессиональный кайчи. Вспоминая о нем, Улагашев называет его большим мастерам сказок, былин и песен. Яемат был не только исполнителем старых народных поэм и песен, но и слагал новые лирические песни.

Вечером изба, где остановился Яемат, наполнилась слушателями. Они пришли с подарками: один принес мясо, другой — сыр, третий — толкан, четвертый — лисьих лапок на шапку. Всю ночь слушали искусного кайчи и разошлись только на рассвете, когда надо было гнать скот на водопой.

Улагашев прожил в Елее трое суток. Три ночи он слушал старика, стараясь запомнить каждое слово. Особенно пленили Улагашева поэмы «Алып-Манаш» и «Имей-Алтын и «Шимей-Алтын» и сказка «Сын-Ару». Во всех трех произведениях было много

лирических песен, столь глубоко западавших в душу, что их хотелось повторять и повторять бесконечно. Выехав за село, Улагашев запел так громко, как мог. Густой бас его долго звенел в морозной тишине. Охотник, возвращавшийся домой на лыжах, повернул к дороге и, разглаживая усы кулаком, спросил:

— Много привезли кабак-араки!? Я успею захватить?

1 Кабак-арака — водка.

Николай пел всю дорогу. Это была проверка голоса и памяти. Особенно ему нравился тот эпизод, где Алып-Манаш пишет письмо на крыле гуся и поет ему песню. Хорошо бы все эти песни написать на крыльях птиц. Птицы разлетелись бы по всему Алтаю, и все охотники стали бы петь то, что поет сейчас он, Николай Улагашев. Но для этого надо быть грамотным. А в долине Сары-Кокши нет ни одного алтайца, который бы умел читать книги и на бумаге оставлять след своей мысли, как горностай оставляет след на свежем снегу. Хорошо богатырям с их «книгами мудрости»!...

Дома отец опросил, много ли сын привез денег, а Николай ответил ему:

— Я вернулся богатым человеком! — И рассказал о песнях Яемата.

Отец покачал головой.

— Бай Барабош не принимает песни в уплату долга. И зайсан в подать не засчитывает.

— Мы все еще не расплатились с ними? Я потороплю счастливый день придти к нашему очагу.

— Гора Белуха высока, ее вершину рукой не достанешь, — сказал отец. — Так и счастье для бедняка — сколько ни тянись к нему, никогда не дотянешься.

— А богатыри его у себя в тороках возят! У них, что в голове, то и в руке. Воевать поедет — назад не оглянется: ни жене, ни невесте не отговорить...

— Ты поменьше думай о них, посоветовал отец. - Много сказок будешь знать — лентяем станешь.

— Не-ет, — упрямо возразил сын. - Богатыри мне помогают работать! На охоту пойду — вспомню, как богатырь охотился — и силы прибавится, и глаз станет острее. Скот пасу — богатыри передо мной. Вот еще про такого бы узнать, который ячмень сеял!... Есть такой богатырь?

— Не слышал.

- Я думаю есть. Алтайцы ячмень маленько сеют. А кто их научил? Богатырь! — Николай огорченно взмахнул трубкой. — Эх, Яемата не опросил, он, наверно, знает, как звать того богатыря...

* * *

По юртам сары-кокшинских кочевников ходила трахома. Шаманы не могли остановить ее. В юртах было грязно и дымно. Люди никогда не умывались, боясь навлечь на стойбище страшные беды. Мыла не знали. Слова «полотенце» не было в их лексиконе. Ничто не препятствовало распространению трахомы. Заболел и Николай Улагашев. Эта беда пришла, когда ему было шестнадцать лет. По утрам он с трудом открывал глаза. Боль была острой и, казалось, что за веки его насыпали золы. Горы, лес, небо — все закрыла густая пелена, подобная морозному туману.

Николаю посоветовали съездить на «глазной ключ». Он поехал с твердым решением жить там до полного выздоровления. Но прожил только один день. Когда он склонился над ключом, чтобы промыть глаза, ему показалось, что на дне сидит огромная лягушка, и он сердито опросил:

— Почему лягушку не выбросите?

— Какую лягушку?! — вскрикнул хозяин ключа и взял Николая за рукав. — Уезжай сейчас же. Раз тебе померещилась лягушка — вода тебе пользы не окажет.

Николай набрал воды в бочонок и уехал. Дома он по нескольку раз в день промывал глаза этой водой, а когда опорожнил бочонок, ему посоветовали съездить в Улалу, к русскому попу.

Поп указал ему на икону Пантелеимона –целителя и заверил:

- Сей святый от всех недугов избавляет!..

Он обмакнул гусиное перо в лампадку, горевшую перед иконой, и помазал глаза «деревянным маслом».

Домой Улагашев вернулся со страшной болью. Всю ночь не мог заснуть. А утрам обнаружил, что туман в его глазах сгустился сказал жене:

— Слово попа такое же ненадежное, как слово шамана. Вот если бы найти мне «живую траву»!.. Но где ее взять? Где она растет? Кони богатырей знают ее. Но я не богатырь и у меня нет такого коня...

* * *

Тяжелая болезнь свалила в постель одного из сыновей Николая Улагашевича. Жена настаивала на приглашении шамана, но Улагашев долго не сдавался.

— Разве ты не знаешь, что слова шаманов, как дым? — спросил он жену. — Ветер дунет — от дыма следа не останется. Шаман скажет родным больного: через три дня выздоровеет. А больной через два дня умирает.

- Позовем Тайинчи — он самый сильный шаман, — продолжала настаивать жена.

Сын метался в бреду. Тело его было горячо, как головешка, только что вынутая из костра, и Николай Улагашевич сдался.

Тайинчи приехал, выпил чашку араки, поколотил в бубен, спел (несколько путаных песен и сказал, что Эрлик просит жертву. Привели коня, переломили ему хребет, разодрали его, и шаман, подняв шкуру на березовую жердь, сказал:

— Эрлик стал добрым: огонь из тела парня возьмет обратно.

Через несколько дней сына похоронили. Николай Улагашевич послал жену за Тайинчи и просил ее не говорить о смерти мальчика. Шаман явился с бубном. Услышав звон бубенчиков и железных подвесок, которыми была богата шуба Тайинчи, Николай Улагашевич закричал:

— Обманул твой Эрлик. Обманул!

— Надо было принести в жертву еще одного коня: добрые люди так делают, — сказал шаман без тени смущения.

— Еще коня захотел?! — вскричал Улагашев. — Правду люди говорят: скот болеет — собака жиреет, человек болеет — шаман жиреет.

— За такие слова Эрлик тебе голову свернет.

Улагашев схватил головешку и бросил ее в шамана, но тот успел увернуться, хотел выбежать из юрты, да хозяйская собака, встав на порог, преградила ему путь. Улагашев вскочил, смят Тайинчи и начал наносить ему один удар за другим.

— Эрлик, говоришь, меня возьмет? Пусть попробует. Я его вот так, да вот так. За бороду и головой о камень... Самый маленький богатырь побивает твоего Эрлика!..

Когда избитый шаман выполз из юрты, Улагашев опустился к костру, молча выкурил две трубки, потом сказал жене:

— Богатырь Козын-Эркеш был на части разрублен. Жена, простая женщина, оживила его. А твой сильный шаман с его Эрликом не могли вылечить ребенка.

Жена махала на мужа рукой и шепотом повторяла заклинания.

Николай Улагашевич сказал ей сурово:

— Больше ни один шаман не опоганит моего очага!

С того дня кайчи еще крепче полюбил те народные поэмы, в которых богатыри вступают в единоборство с богами и ниспровергают их. Строки, посвященные этой борьбе, он стал петь особой силой и гневом.

* * *

Недалеко от своей юрты Улагашев нашел гладкоствольный молодой кедр, срубил его, высушил на солнце и сделал топшур; натянул две струны из конского волоса. Спел песню, прославляющую новый музыкальный инструмент. Улагашев становился профессиональным сказителем. Люди часто приезжали на его стойбище послушать

героические сказания, и ему не приходилось скучать. Но, когда упал первый иней и горы стали золотистыми и багряными, Николая потянуло в лес. Он попросил жену заседлать коней и поехал с нею на кедровый промысел. Жена подводила его к дереву с богатым урожаем, он быстро взбирался к его вершине и начинал сбивать шишки, полные ореха. Однажды оборвавшись с высокого кедра, он упал на землю и наколол глаз. А через год совершенно лишился и второго глаза. Случилось это в сенокос. Один из богатых соседей, выкосив свою траву, начал косить участок Улагашева. В это время Николай приехал на луг и потребовал покинуть его участок. Но сосед не хотел и слышать об этом. Схватив плеть, он напал на Николая и выхлестнул ему глаз.

Чтобы вернуть свой участок и наказать захватчика, Улагашев обратился в суд, но судья сказал ему:

— Твой сосед — крещеный человек, некрещеному нельзя с ним судиться...

У Николая оставалось единственное средство борьбы — меткое, острое и разящее слово, строки из народных поэм, и он назвал соседа одним из Семи Обжор, о которых поется в нескольких сказаниях, и стал сравнивать его со злобным баем Анбычы из поэмы «Малчи-Мерген». Тот бай набросился с плетью на пастуха. избил его и приказал переломить ему ноги. Но пастух нашел «живую траву», которая

Умершим жизнь возвращает,

Погасший огонь зажигает,

Глаза потерявшим зрение возвращает,

Безногим ноги дает.

С той травы кости пастуха срослись. Стал он

В шесть раз сильнее прежнего,

В десять раз статнее прежнего.

Пастух Малчи-Мерген расправился с баем,

истязавшим его.

Народная поэма о пастухе поддерживала у Николая мечты о «живой траве». Был бы хоть один глаз целым, может когда-нибудь и нашел бы эту чудодейственную траву.

Голубые хребты, серебристые снежные вершины, зеленые леса с россыпями цветов - все залила вечная тьма. Даже о туманной пелене, которая два года назад была перед глазами, теперь вспоминал Николай, как о большой утрате. Жизнь его была тяжела и горька. Пригоршни ячменя и кусочек сыра ему стоили большого напряженного труда. Он работал с поводырем. Когда выходил косить траву, то давал сыну колокольчик. Мальчик шел по соседнему прокосу, а Николай Улагашевич, прислушиваясь к звону, рядом вел новый.

Осенями он по-прежнему отправлялся на кедровый промысел. Сбивать шишки ему теперь приходилось ощупью.

Но тяжелая жизнь не заронила уныния в сердце кайчи. Он по-прежнему пел добрые, жизнерадостные поэмы о богатырях, утверждающих на земле счастливую жизнь без баев и князьков.

Баи и зайсаны всячески старались унизить кайчи, слава о котором прошла по всей тайге. Однажды в долину Сары-Кокша приехал зайсан Сопрок со своей свитой, состоящих из самых богатых баев. Все они были пьяны. Зайсан потребовал к себе Улагашева.

- Пусть поет самое хорошее. Скворцы своим пением славят тайгу, слепые старики — славят старших.

По Улагашев ответил зайсану:

- Мои песни горьки.

- Пой и такие. Посмотрим, что за яд в них.

Не могу петь, — у меня грыжа. Зайсан рассвирепел.

- Не будешь петь - в проводники возьмем. Заставим дорогу показывать.

Николай Улагашевич молча сел на копя. Конь вышел на тропу впереди всех всадников. Кайчи повернул голову и крикнул во весь голос:

- Слепые не могут обходиться без поводырей. Но если слепого берут в поводыри, значит, есть люди слепее слепых.

Зайсан зарычал медведем. Приближенные его поскакали к Улагашеву. Удары плетей по шубе были гулки, как удары по бубну.

Дома Николай Улагашевич вспомнил Кобака и усмехнулся.

- Теперь я стал настоящим кайчи!..

Жена не поняла его, и он добавил:

- Того кайчи, который поет, как скворец, зайсан драть не будет.

Улагашев верил в могущество человека, в силу слова. С особым волнением и приподнятостью он пел те эпизоды, где - с присущим эпосу смелым гиперболизмом - изображалось воздействие песни на все окружающее. От песни Малчи-Мергена

На сухих деревьях листья вырастали,

На твердой земле цветы распускались.

Когда Алып-Манаш, связанный цепями, лежа в яме, запел песню, - дикие звери,

Детенышей своих побросав,

К яме сбежались,

Чтобы песню послушать.

Быстрокрылые птицы,

Гнезда свои позабыв,

К яме прилетели — Песню послушать.

Вот так же слетались к Н.У. Улагашеву кочевники всех окрестных долин.

- Скучно стало, на сердце тяжело, приехали про богатырей послушать, - говорили они.

Если муж уезжал в сторону долины Сары-Кокши и не возвращался домой в течении четырех - пяти дней, жена не беспокоилась о нем, говорила:

- К Улагашеву заехал: сказки слушает.

Баи, зайсаны и чиновники всячески старались задавить свободолюбивую песню, сзывавшую народ на борьбу с угнетателями. Но им не удалось заставить песню замолчать. Грозный призыв ее несся от одного пастушьего стойбища к другому, от костра зверолова к костру шишкобоя, от становья лесорубов к ночлегу плотовщиков. В этой песне голос Н.У. Улагашева был одним из самых громких.

Ни болезни, ни крайняя бедность, ни издевательство баев и зайсанов не сломили талантливого сказителя. Его поддерживала та любовь, которой народ окружал его. Это помогло ему сквозь чёрные тучи байско-кулацкого насилия, сквозь дикие бури межнациональной и родовой вражды, разжигаемой баями, торговцами, попами и чиновниками, бережно пронести, как любимое дитя, прекрасное народное искусство.

* * *

Вешними водами отгремела гражданская война. Партия и советская власть начали социалистическое преобразование Ойротии. Сыновья рассказывали Н. У. Улагашеву о том новом, что они видели вокруг себя и что помогали строить, и старик отвечал им эпизодами из народных поэм.

Услышав о Чуйском тракте, проложенном через хребты, леса и скалы, он говорил с мягкой улыбкой на крупном мужественном лице:

Наверно, дорога лучше, чем та, которую проложил богатырь Кёзюйке? Богатырь пустил стрелу из лука, и стрела развалила тайгу надвое, — дорога готова! Тракт построили, как стрелу пустили! Быстро!

Рассказали ему о мостах через горные реки Бию и Катунь, и он вспомнил Сартакпая:

— Богатырь Сартакпай строил мост через Катунь, но не мог справиться с рекой. А теперь победили ее!

Услышал старик гул самолета, расспросил о нем, и опять припомнил богатыря:

- Ескюзек летал на крыльях живой птицы. Железная птица, наверное, сильнее и выносливее?

Орошение полей напоминало ему богатыря Сартакпая, который пальцем чертил по земле, чтобы проложить каналы и вывести воду в сухие степи.

Еще глубже раскрылись для Н. У. Улагашева древние народдду в ные поэмы. Через них ом увидел осуществление вековой мечты трудящихся. По иному зазвучали слова о вечном лете, о богатыре, которому неизвестна старость. Имя этого богатыря — народ. Внучата сказителя принесли в дом «книги мудрости», по вечерам читали старику. Из этих книг он узнал о жизни Ленина, о жизни Сталина. Слово этих богатырей было самым могущественным на земле. Его хотелось вложить в песню, а красок не хватало, не хватало голоса. Но новые песни зрели в душе старого кайчи. Был канун Октябрьской годовщины. Старик сидел на своей кровати и беззвучно, долго шевелил губами. Потом он взял топшур и, обращаясь к его помощи, запел:

Из корня могучего кедра не зря
Тебя сделали, звонкий топшур!
В день радости, в день Октября,
Заиграй, мой певучий топшур!
Из крепкого дерева, что на скалах растет,
Тебя сделали, звучный топшур!
Народ мой ликует, народ мой поет,
Так весело пой же и ты, мой топшур!1
1 Перевод Б. Каирского.

С тех пор Н. У. Улагашев сложил несколько новых песен. В 1934 году Н. У. Улагашев со всей семьей вступил в колхоз «Чолмон Алтая». В колхозе нашлась для него хорошая работа: он плел шлейки узды. За этой работой он мог с утра до вечера петь свои любимые песни, сказывать былины и сказки. Он слагал песни о новой жизни:

Дружный труд нам богатство принес
В колхозном своем единенье.
Вырос наш малочисленный скот.
Табуны — точно реки в разливе.
И страдавший когда-то народ
Зажил жизнью богатой, счастливой.

В слушателях у камчи никогда не было недостатка. Если взрослые были заняты на работе в колхозе, старика окружали дети. Прослушав две—три сказки, ребята бежали в лес и возвращались оттуда то с корнями кандыка, то с луковицами саранки, то с сочными стеблями борщовника. Они угощали старого кайчи и просили рассказать им, отчего у

коровы копыта раздвоенные, почему у кабарги на боках белые пятна, а у барсука на лбу лысина. И старик на все их вопросы отвечал народными сказками.

* * *

Древние народные поэмы в устах советских сказителей зазвучали по-новому. Они вступили во вторую молодость. На месте мечты и призыва народ увидел торжество победы. И любовь народа к своим поэтическим произведениям стала еще пламеннее.

Это не могло не привести в бешенство врагов народа, буржуазных националистов. Пробравшись на некоторые руководящие посты в Ойротии, они, наряду с другими своими подлыми делами, пытались сдавить горло народной песне.

Один из врагов народа имел наглость в печати заявить, что древние народные поэмы «потеряли всякий интерес и значение для современной Ойротии» и что публикация этих произведений «ведет только к бесполезной трате бумаги, к ненужному засорению мозгов этим «утильсырьем».2

2 «Звезда Алтая».

Замаскировавшиеся враги говорили старикам:

— Нельзя петь сказки про богатырей: советская власть запрещает.

Когда об этом сказали Н. У. Улагашеву, он ответил: - Не поверю. Мы поем на пользу народ.

И он продолжал петь.

Летом 1936 года в долину Сары-Кокши приехал ойротский писатель П. В. Кучияк с московской фольклористкой Анной Гарф. Они нашли Н. У. Улагашева на ферме. Старик сидел под старой лиственницей и плел узды из сыромятной кожи.

— Колхоз дал хорошую работу для моих рук! — сказал он. — На всех лошадях — узды моей работы!

Узнав, что гости приехали записывать сказки, старик оживился:

— А у нас тут болтали: нельзя петь про богатырей. Я говорил: не правда это. Так и вышло. Москва понимает, что надо народу.

Для начала он рассказал гостям несколько маленьких сказок — про воробья, про мальчика Ырасту, который победил самого знаменитого шамана и заставил дрожать хана с ханшей. Потом кайчи запел любимую героическую поэму о богатыре Алып-Манаше.

Об Н. У. Улагашеве узнали в Москве. В списках членов Союза советских писателей появилось новое имя. Оно стояло рядом с именами других талантливых сказочников, сказителей и народных певцов нашей страны.

* * *

В январе 1939 года лучшие писатели и поэты, сказители и сказочники нашей родины были награждены орденами.

В колхоз «Чолмон Алтая» пришла телеграмма. Ее привез сын Н. У. Улагашева, работавший почтальоном - кольцевиком. Он подал ее отцу и сказал, что правительство наградило кайчи орденом «Знак почета». Старик ощупал бумажку и попросил прочесть текст телеграммы. Потом еще и еще раз. Он вслушивался в каждое слово. Лицо его посветлело и седые усы не могли скрыть радостной улыбки.

— Я всегда говорил: народ любит богатырей. А власть ценит то, что любит народ, — сказал кайчи взволнованным голосом.

Один за другим входили соседи-колхозники в избу кайчи.

Придерживаясь обычая, начинали разговор с традиционного вопроса:

— Какие новости у вас?

— Нет новостей, — по привычке отвечал старик и, в свою очередь, справлялся о новостях. Но вскоре ему надоел этот пустой обмен застывшими фразами и даже показался обидным, и он стал отвечать:

— Есть новости! Сын прочтет вам.

К вечеру изба была полна гостей. Старика попросили спеть что-нибудь, то он покрутил головой.

— Сегодня я устал. Пусть вам внучата прочитают сказку. У них в книжках есть очень интересные. Русские сказки, а напечатаны по-алтайски.

Внучата читали долго, сменяя друг друга.

Кайчи сказал:

— Я раньше в Улале слышал русские сказки. Но не такие интересные. Наверно, сказитель — большой мастер.

Это были сказки А. С. Пушкина.

* * *

Весной 1939 года Николай Улагашевич приехал в Москву. В Кремль он входил, когда часы на Спасской башне играли Интернационал. Старик шел получать орден.

О том радостном часе он рассказывает с глубоким волнением.

— Прошли мы с провожатым четыре двери. В каждой комнате меня опрашивали: «товарищ Улагашев?» Я отвечал: «Да». Наконец, мой провожатый сказал:

— Товарищ Калинин идет.

Я, по привычке, сложившейся в старое время, снял шапку и сунул ее себе подмышку. Товарищ Калинин подошел ко мне, пожал руку. У него рука твердая, сильная, пожимает крепко. Я тоже крепко пожал его руку. Он взял мою шапку и надел мне на голову. Вручил мне орден; спросил, как я ехал в Москву, не устал ли в дороге. Потом он спросил — сколько я знаю сказок. Я ответил:

— Все петь — года на два хватит. Не меньше.

Нашу беседу переводил московский переводчик. Языки он знал очень хорошо, и нам разговаривать было легко. Я рассказал, что в некоторых ойротских сказках говорится про злого бога Эрлика и доброго бога Ульгеня, про ханов и зайсанов. После этого я опросил, можно ли рассказывать такие сказки. И товарищ Калинин ответил мне:

— Все надо рассказать и все записать. Из сказок мы многое узнаем о той прежней жизни, когда народ, живя под властью ханов, верил в богов. Теперь все, что в прошлом сложил народ о своей жизни, надо записать, напечатать и вернуть народу, молодому поколению.

Я сказал:

— Мне нужен мастер, который бы записал все, что я знаю.

На это товарищ Калинин ответил:

— Мастера тебе дадим. Пропой и расскажи ему все».

Вернувшись из Москвы, Николай Улагашевич поселился в городе Ойрот-Тура, в большом деревянном доме. В комнате его одна за другой появлялись вещи, незнакомые ему ранее — стол, стулья, диван. Когда ему принесли настольную электрическую лампу, он долго ощупывал ее, потом спросил:

— А куда керосин наливать?

Комсомолец, принесший лампу, заговорил об электричестве.

Старик улыбнулся и перебил его:

— Это тот свет, который поймал Сартакпай в грозовой туче.

И он рассказал о богатыре, победителе молнии, ойротском Прометее.

Радио приносило Н. У. Улагашеву вести со всех концов земли. Однажды он, указывая трубкой на репродуктор, сказал своим родным:

— Богатырский голос! В Москве говорят — на Алтае слышно. По ночам играют московские часы. Я проходил под ними...

Он приподнял голову и спросил громким голосом, полным радости и торжества:

— Помните, я вам пел про богатырей? Голос их на годовом пути слышен! Вот теперь богатыри со всем народом разговаривают! Как все это появилось?

Он умолк на минуту, а потом густой бас его всколыхнул тишину:

По голубой дороге бежит

Машина на золотых ногах.

Мудрый, великий Ленин

Послал ее к нам на Алтай.

Кайчи качнул большой седой головой, как бы подтверждая последние два стиха своей песни, и продолжал еще громче и радостней:

В небе птица летит

С блестящими стальными крыльями.

Мудрый, великий Сталин

Послал ее к нам на Алтай.

Старик слагал стих за стихом и пел до тех пор, пока не услышал, что в комнату ворвалась вторая песня. Он смолк на полуслове и прислушался. Кто-то мощным голосам пел одну из его самых любимых песен. Ни шума, ни треска не было слышно и в первую минуту Николай Улагашевич подумал, что какой-то незнакомый певец неслышно вошел в его квартиру. Откуда такой, не знающий ни обычаев, ни приличия? Даже не поздоровался, ничего не сказал о себе... Закончит песню, надо будет сказать, что не хорошо перебивать старших...

Но в песне все было так знакомо, что старик насторожился, вслушиваясь в каждое слово. А внучка Уренчи подвинула к нему репродуктор и сказала:

— Когда ты пел по радио — все выходило вот так же! Это, наверно, пришло эхо твоего голоса.

Николай Улагашевич взмахнул руками и хлопнул по коленкам; громко воскликнул и, улыбаясь, сообщил родным:

— В радио мне говорили, что машинка запишет мою песню! Я думал шутят: машинка не человек...

— Твой голос тоже слышно на расстояние годового пути богатырского коня! — сказала сноха.

— Оттого это, что богатыри ожили. Помните, я пел вам про Кёзюйке и Баян? Давно-давно они камнями стали. Ак-Кобек тоже камнем стал. Козын-Эркеш и Байым-Сур в скалы превратились. Богатырям ханы мешали, баи мешали. Силы у богатырей не хватало, вот

они и ушли в камень. — Старик набил трубку табаком, запалил ее и, сделав две затяжки, продолжал. — Народ стал помогать богатырям, и богатыри ожили, сделали все, о чем в песнях пелось, в сказках рассказывалось...

Жизнь старого кайчи пошла по-иному. К нему стали приходить языковеды, составители словарей, писатели, переводчики из национального издательства. Разговаривая с ним, они уточняли значение отдельных слов, подбирали синонимы, запоминали яркие народные речения. Он явился для них профессором ойротского языка.

Приходили к нему и актеры молодого национального театра. Они исполняли в его комнате сцены из пьес о жизни ойротов и, прислушиваясь к его замечаниям, проверяли свои интонации, уточняли произношение отдельных слов. Николай Улагашевич не оставался перед ними в долгу. Он пел им песни, сказывал былины и сказки. Это обогащало молодых актеров, помогало им найти все необходимое для яркого и правдивого создания образов героев пьесы и способствовало их творческим поискам в развитии ойротского национального искусства.

Н. У. Улагашев почувствовал себя необходимым и высоко-полезным человекам нового общества. Перед слепым кайчи открылся мир, большая радостная жизнь. И для него взошло новое солнце — искусство социализма.

* * *

Каждый день к Николаю Улагашевичу приходил ойротский писатель и поэт Павел Кучияк, знаток и исполнитель народного эпоса. Разговор их затягивался до позднего вечера. Они рассказывали друг другу народные сказки, пели былины, вспоминали родственные сюжеты и близкие варианты.

Однажды, прослушав в исполнении П. В. Кучияка народную поэму «Алтын-Тууди», в которой девушка-богатырша ведет борьбу с силачами ханов и даже с самим злым богом Эрликом и всех побеждает, Николай Улагашевич спросил:

— А почему девушка не вышла замуж? Так нельзя. Так не должна заканчиваться поэма. Без свадьбы дело нигде не обходится.

И он пообещал поэту:

— Я найду жениха для твоей Алтын-Тууди. Хорошего богатыря найду! Мы ее выдадим замуж.

Николай Улагашевич не только простой исполнитель и интерпретатор эпоса, но и творец его. В исполняемых им былинах не встречаются эпизоды, неизвестные другим сказителям Ойротии.

В. Кучияк всегда приходил к Н. У. Улагашеву с бумагой и карандашами. Всякий раз он уносил от него десятки листов, покрытых строками народных поэм.

В лице П. В. Кучияка Николай Улагашевич нашел того «мастера», о котором он разговаривал с М. И. Калининым.

Вскоре к сказителю пришел второй «мастер». Это был Н. Г. Куранаков, переводчик, редактор художественной литературы ойротского национального издательства.

«Мастера» составили и выпустили в свет первую книгу сказителя — «Алып-Манаш». Теперь эту книгу можно встретить у пастухов Усть-Канского аймака и у охотников Улаганской тайги, шишкобоев в лесах Чойского аймака и у плотовщиков на верхнем плесе Бии. На книжных полках и в переметных сумах она нашла место рядом с теми «книгами мудрости», которые дали народу богатыри советской земли.

Сменяя друг друга, несколько месяцев работали «мастера», но не записали и четвертой доли того, что знает, поет и рассказывает Николай Улагашевич. Репертуар его так велик, что одни народные поэмы (былины) составят не менее трех больших томов. К этому нужно добавить несколько десятков сказок, песен и сказок. Николай Улагашевич был близок к истине, когда он говорил. что для исполнения всего его репертуара потребуется два года. Это — сказитель, равного которому давно не знал Алтай.

II

Богатейший ойротский героический эпос привлекает внимание исследователей в течение восьми десятков лет. Первые записи были сделаны академиком В. В. Радловым, опубликовавшим ойротские тексты в оригиналах. С начала восьмидесятых годов прошлого столетия и до самой революции над сбором алтайского фольклора много и плодотворно работал Г. Н. Потанин. Но большинство его записей является не точным переводам на русский язык, а пересказом, порой кратким изложением содержания.

Лучшим из всех сборников, составленных им и вышедших под его редакцией, является «Аносский сборник», изданный в 1915 году. Это была первая книга переводов алтайского эпоса, но переводы в ней сугубо прозаические, даже похожие на подстрочник. Они не дают читателю никакого представления о ритмике и поэтических особенностях оригинала. Литературные, поэтические переводы ойротского эпоса стали появляться в печати лишь в течение последних семи лет. В эти годы русский читатель впервые увидел, что ойротский эпос — ценнейшие изумрудины в фольклоре народов Востока, и почувствовал все его поэтическое богатство и глубину мысли.

Собиратели и исследователи ойротского эпоса до революции во время своих поездок по Алтаю останавливались в юртах богатых кочевников, в домах баев и зайсанов. У них исследователи справлялись об адресах сказочников, сказителей и певцов. Хозяева называли им тех исполнителей фольклора, которых они хорошо знали, которые не раз пели и сказывали народные произведения в кругу богатых и власть имущих. А чаще всего баи и зайсаны посылали за такими сказителями и потом брали на себя роль переводчиков. Таким образом, исследователи зачастую, получали доступ только к тем произведениям, которые прошли известную байскую «цензуру». А заветный народный

эпос, исполнявшийся на пастушьих стоянках и у охотничьих костров, оставался не записанным. Он стал известен только после революции.

Исследуя монгольский и алтайский фольклор, Б. Я. Владимирцев в 1923 году пришел к заключению, что героический эпос монгольских и тюркских народов угасает. Он писал: «...все труднее и труднее теперь найти... певца героических сказаний у алтайских теленгитов...»

Мы можем смело сказать, что на Алтае героический эпос широко бытует. Среди исполнителей его встречаются не только старики, но и юноши и девушки. Так в Улаганском аймаке известен пятнадцатилетний сказитель, ученик 5-го класса Язаров.

Любовь к эпосу поддерживается тем, что народ в окружающей жизни видит то, о чем мечтали предки, слагая и исполняя эпические произведения.

В годы сталинских пятилеток народное творчество в СССР достигло небывалого расцвета. Полное торжество сталинской дружбы народов сделало фольклор всех народностей нашей родины достоянием всей страны. Давид Сасунский, Кер-оглы, Джангар с его славной плеядой богатырей стали нам, русским, так же близки, как Илья Муромец и другие витязи древней Руси. Их любовно приняли и башкиры, и узбеки, и белоруссы, и народ Коми, и все другие. Музыкальные произведения, написанные на основе народного эпоса грузин, азербайджанцев, бурят-монголов, казахов, мощно прозвучали со сцены Большого театра в Москве и духовно еще более обогатили всю нашу многонациональную дружную семью.

Замечательные песни, поэмы, сказания, легенды и сказки, сложенные трудовым народом, помогают миллионам трудящихся яснее и глубже понять прошлое нашей страны и служат укреплению культурной связи между братскими республиками и национальными областями.

В. И. Ленин очень интересовался русским былинным эпосом и дал ему замечательную оценку. «Когда однажды, — вспоминает В. Д. Бонч-Бруевич, — речь зашла об устном поэтическом творчестве, Владимир Ильич попросил дать ему просмотреть некоторые сборники былин, песен и сказок. Его просьба была исполнена. «Какой интересный материал, — сказал он. — Я бегло просмотрел вот эти книги, но вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения, ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных».1

1 Цитирую по статье Ю. Соколова в XI томе «Литературной энциклопедии», стр. 787.

Упрек Владимира Ильича, адресованный исследователям былинного эпоса, вспоминается особенно остро, когда мы знакомимся с эпосом тюркских народов Сибири и, в частности, с эпосом ойротов. Еще почти ничего не сказано об отражении в этом эпосе чаяний народа, его мечты. Эта интереснейшая тема ждет своего исследователя.

О некоторых основных особенностях и основных мотивах ойротского героического эпоса, обращаясь, главным образом, к текстам Н. У. Улагашева, необходимо сказать здесь, чтобы перед читателем яснее встал творческий облик этого замечательного сказителя.

* * *

Как всякий народный эпос, ойротские героические поэмы глубоко патриотичны.

Богатыри, могучие, храбрые, беззаветно преданные своему народу и безгранично любимые им, стоят на страже родной земли. Они любят труд — охоту, рыбную ловлю, пастьбу скота.

Они ни на кого не нападают, ни с кем не затевают войны. В поэме «Кокин-Эркей» говорится:

Богатыри, как братья, живут,
На войну с черной думой они не идут,
К себе они не пускают врага;
Мирная жизнь им дорога.
Враги не осмеливаются напасть на богатырей, потому что
Богатырская сила их всем ясна.
Их громкая слава везде слышна.

В поэме «Ак-Тойчи» повествуется о двух богатырях, которые ни с кем «войну не затевали», но, если враги нарушали мирную жизнь народа, то богатыри

Всех зачинщиков войны

Разили крепкой рукой.

Тот же мотив мы находим в поэме «Имей-Алтын и Шимей-Алтын», еще не переведенной на русский язык, и во многих других поэмах ойротского народа.

Юноша-богатырь Очи-Бала не хотел воевать. Но пока он сходил к Саныс-кану, чтобы узнать о судьбе своих братьев, которые отправились с жалобой на него, на мирный народ напал Тельбен-Кара-кан. Вернувшись в родную долину, братья увидели:

Свет луны, солнца свет затемняют
Тучи жадных сорок и ворон,
Что над трупами вьются...
Людская
Кровь до пояса...
Конская кровь
До седла глубиной на долинах!..

Тогда богатырь Очи-Бала приходит в ярость и все свои силы отдает борьбе за освобождение народа, уведенного в плен иноземными захватчиками. Он вступает в бой с несметным войском хана:

Пролетит один раз и уложит

Пятьдесят тысяч!

А в другой конец —

Шестьдесят тысяч сразу уложит.

Узнав о том, что какой-то хан пленил и поработил народ, богатырь, обычно, забывает обо всем, кроме предстоящей битвы.

Богатырь всегда готов к бою за родную землю. Сабля его наточена, копье его — остро, колчан его — полон стрел. Сбруя боевого коня всегда в полном порядке.

Богатырь никогда не отступает и ему не знакома робость перед угрожающей опасностью. Он храбро вступает в битву с врагом, силы которого, на первый взгляд, в тысячи раз превосходят силы богатыря. И победа всегда — на стороне богатыря, потому что он шел в бой за правое дело, защищал народ, породивший его.

Иногда врагам удается путем коварства умертвить богатыря. Так Караты-кан отравляет своего зятя Козын-Эркеша ядом, смешанным с аракой. Ханы Аранай и Шаранай разрубают на части Алтай-Бучая, преданного и отравленного изменницей-женой. Но боевые кони, верные друзья богатырей, достают «живую траву» и возвращают жизнь славным воинам. Богатыри снова вступают в бой и уничтожают врагов.

Народ наделил богатырей всеми своими лучшими качествами, — храбростью, силой, честностью и железной преданностью своему долгу.

Часто мы видим богатыря пользующимся помощью простых людей, которые любят его и в грозный час оберегают от напасти.

Слепой старик вручает богатырю Кан-Толо гусиное яйцо и говорит:

Смерть приблизится — это яйцо

Ты достань и съешь половину...

Через некоторое время Кан-Толо вступил в бой с войском Дьес-Кара. Девять лет продолжалась битва, и силы Кан-Толо начали ослабевать. Тут он вспомнил о подарке старика, достал гусиное яйцо и съел. Это сразу прибавило богатырю сил, и он разбил вражеское войско.

Ак-Тойчи в битве с Одус-Башту-Ок-Дьыланом пользуется помощью девушек. В самую решительную минуту, когда бронзовые подошвы богатыря

От горячего дыхания врага,

Как масло, растаяли —

семь девушек принесли холодную воду и облили его ноги. Этого оказалось недостаточно, и девушки стали подкладывать ему под ноги ледяные плиты.

Вскоре богатырь вспомнил о кожаном чекмене, подарке брата. Надев этот чекмень, он приобрел новые силы. Все это помогло ему продержаться, пока не пришел на помощь брат.

Большинство ойротских богатырей не только бессмертны, но и вечно молоды. В них олицетворен трудовой народ. Наиболее ярким примером этого олицетворения является самый любимый богатырь ойротов — Алтай-Бучай. Об этом свидетельствует первая часть его имени, являющаяся древним именем народа.1

1 До революции ойроты были известны под именем алтайцев. Сами себя они называют — алтай-кижи, что означает -- алтайский человек.

В образе Алтай-Бучая мы находим типичные черты ойрота, кочевника, хорошего скотовода и отличного зверолова. Алтай-Бучай несет в себе все лучшие качества своего народа. Он вольнолюбив, кристально честен, храбр и непоколебим в бою. Он один мешал Аранаю и Шаранаю покорить и поработить весь Алтай. Перед ним трепетали злые и коварные ханы, в течение шести веков не дававшие покоя народам горной страны. И вот Алтай-Бучай вышел на поле битвы. Перед тем, как поднять свой меч, он сказал врагам:

Мирно живущих людей
Со стойбищ вы угоняли!...
Жеребенка, от матки отняв,
Жалобно ржать заставляли;
Ребенка, от матери отлучив,
Слезы лить заставляли!..
За все теперь отвечайте!...

Разбив вражье войско и уничтожив ханов, Алтай-Бучай встретился с их отцом, дряхлым стариком. Увидев богатыря, старик решил, что его жизни пришел конец.

Но Алтай-Бучай говорит ему:

Старых людей я крови не лью,

Врагов убиваю в равном бою.

До последнего вздоха в груди В своем аиле, старик, сиди.

В этом виден глубокий гуманизм, свойственный многим богатырям ойротского народа и широко известный по героическому эпосу других народов. Сопротивление сломлено, враг уничтожен, и богатырь опускает меч в ножны. Ему не знакома бесцельная, слепая

месть. Он не трогает людей, не опасных для его дела. Правда, иногда, разгорячившись в бою, богатырь начинает рубить ни в чем неповинное войско, тогда вмешивается конь. Он схватывает своего богатыря зубами, несет к морю и погружает в воду до тех пор, пока вода вокруг не перестанет кипеть.

Богатыри ведут свои тяжелые и жестокие битвы во имя освобождения порабощенного народа, во имя счастливой вольной жизни скотоводов и звероловов.

Алып-Манаш говорит освобожденному им народу:

Теперь вы свободны.

На свои луга скот свой гоните.

В других сказаниях богатырь, уничтожив господство ханов, предоставляет народу право выбора — остаться на старых стойбищах или идти с ним. И народ всегда идет за богатырем, своим освободителем.

После битвы, решившей исход борьбы, Алтай-Бучай обратился к народу с речью:

От ханов я вам помог избавиться —

Свою судьбу изберете сами!

И народ решил избрать его своим вождем, головой, как сказано в алтайском тексте.

Когда богатырь Курман-Тойчи1 уничтожил Кюн-кана и поехал в родную долину, он увидел, что за ним движется народ, многочисленный, как лес в тайге.

В стороны богатырь посмотрит —
Краев не видно.
Назад оглянется —
Конца не видно.

Это двигались люди, дождавшиеся освобождения из ханского плена. Они шли в родной Алтай, где долгое время леса и травы не слышали человеческого голоса. И вот теперь снова

В каждой долине —
Голубые дымки костров,
На склоне каждой горы —
Многочисленные стада.
Сердце Алтая
Счастьем наполнилось.
Глаза народа
Радостью полны.
Богатырь собрал народ на веселый пир.

Комысчелары там
На комысах играли.
Шоорчилары
На дудках насвистывали.
Икиличилеры
Смычкам покою не давали.
Топшуристы, струнами звеня,
Про богатырей пели.
Молодые женщины
В своем кругу веселились.
Молодые парни
Коней в бега пускали.
Веселье было такое, что
В небе солнце смеялось,
Луна над горами плясала.

Народным торжеством заканчиваются все героические поэмы. Между прочим, вторая часть имени Курман-Тойчи2 и Ак-Тойчи означает — устроитель пиршества.

1 Эта поэма еще не переведена на русский язык.

2 В феодальный период на месте слова «тойчи», надо полагать, было монгольское «тайджи» или китайское «тайши». И то, и другое означало титул феодала. Н. Н. Поппе пишет: «Тайши... происходили от тех феодалов, которые после изгнания их из Китая были вынуждены переселиться в степи Монголии» («Халха-монгольский героический эпос», стр. 28). В дальнейшем, и связи с общей демократизацией эпоса, ойротские сказители видоизменили имя богатыря и придали его имени иной смысл.

Освободившиеся из ханского плена прославляют богатырей:

В муках рабства мы жили,
Ты освободил нас, Курман-Тойчи!
В родной Алтай, где вечно солнце сияет,
Ты привел нас, Курман-Тойчи!

На земле утверждается мирная, спокойная жизнь. Богатырь стоит на страже своего народа:

Война, блестя мечами,
Никогда к нему не заходит;
Горе, по-волчьи воя,
Никогда к нему не показывается.

Боевой патриотизм роднит ойротский эпос с замечательным калмыцким эпосом «Джангар».

* * *

Народ очень любовно относится к образам своих богатырей. Любимый богатырь всегда изображается с большой долей поэтизации и идеализации, давая богатырям имена пастухов и охотников (Малчи-Мерген—Зоркий Пастух, Анчи-Мерген—Меткий Стрелок, Охотник), сказители одевают их в серебряные и золотые кольчуги, в бобровые шапки и рукавицы, украшенные жемчугом. Подошвы у богатырей - бронзовые, коновязи — медные и даже золотые. Жилище богатыря почти всегда называется белым (белый здесь в смысле — чистый) или золотым дворцом, хотя все внутреннее убранство такого дворца остается точной копией юрты кочевника. Когда богатыри переселяются из одной долины в другую или из края в край, как в поэме «Кёзюйке и Баян», они, подобно самым обычным кочевникам, разбирают свой дворец и увозят с собой. Здесь мы имеем дело с явной идеализацией жилища богатыря.

Когда за именем богатыря следует слово «кан» — это далеко не всегда означает, что он действительно является ханом. Говоря о русском фольклоре и критикуя представителей «исторической школы», академик Ю. М. Соколов писал, что, когда «в былинном эпосе герои называются князьями, боярами, богатыми гостями», когда в русских сказках «герои именуются царями и царевичами, королями и королевичами», когда «в крестьянском свадебном обряде и величальных песнях жених и невеста величаются князем и княгиней», то это — не что иное, как «приемы поэтизации и идеализации».1

1 Ю. М. Соколов. «Русский фольклор», Москва, 1938 г., стр. 94.

То же самое и в алтайском эпосе. Когда в поэме «Кёзюйке и Баян» отца героя называют каном (по ойротской транскрипции — каан) — это совсем не значит, что он ханского рода. Доказательств этому немало. Главным из них является то, что Ак-кан был охотником. И на охоту он выезжал без свиты, как это делали действительные ханы; выезжал один, как самый простой человек. Второе доказательство: Караты-кан опасался, что после смерти Ак-кана сын его Кёзюйке обеднеет, и потому увез свою дочь, невесту Кёзюйке, в дальние края.

В казахском варианте этой поэмы мы видим на месте Караты-кана и Ак-кана не ханов, а баев Карабая и Сарыбая. При этом нужно сказать, что создателей поэмы интересовало не происхождение героев, а человеческие характеры. В данном случае авторы поэмы выходили за рамки национальной ограниченности и выражали то, что являлось общечеловеческим на определенной ступени развития. Не случайно безыменные создатели героических поэм, кочевавшие в степях Казахстана и горах Алтая, разрабатывали ту же тему, что и великий английский драматург Вильям Шекспир в трагедии о Ромео и Джульетте.

Однажды к Н. У. Улагашеву пришел в гости русский писатель. Сказитель налил чарочку, подал ему и сказал:

— С таким кан-кижи нельзя не выпить!

Он употребил слово «кан» в смысле — уважаемый человек, большой работник. В этом же смысле иногда употребляется и слово «бай». В эпосе, записанном от Н. У. Улагашева, слово «бай» часто относится к неодушевленным предметам и животным. Тополь, богатый листвою, сказитель называет — бай-терек. В поэме «Алтай-Бучай» первый конь богатыря носит имя Бай-Чоокыр. Здесь слово «бай» употреблено даже не в смысле «богатый» шерстью или гривой, оно свидетельствует лишь об идеализации и поэтизации коня. В русских сказках этому соответствует «Царь зверей», «Царь-Птица», и т. д.

В ойротском эпосе мы находим непреклонную, упорную и победоносную борьбу богатыми, как представителей трудового народа, выражающих его лучшие чаяния и надежды, с жестокими феодалами.

Поэтому феодалы Алтая и Монголии и рассматривали сказителей, исполнявших заветный народный эпос, как своих врагов. На Алтае таких непокорных кайчи, отказывавшихся подвергать эпос «байской цензуре» и прославлять феодалов, истязали плетьми, а в Монголии в прошлые века даже сжигали на кострах.1

1 Г. Санжеев. «Джангар» и монгольский эпос». «Литературная газета», 8 сентября 1940 г.

Свидетельства принадлежности персонажей поэм к тому или иному лагерю следует искать не в слове «кан», а в делах и поступках богатыря и в существе его имени. Герои эпоса, в образах которых были воплощены лучшие надежды трудового народа, получили от народа опоэтизированные имена: Ак-Тойчи — Белый (чистый) устроитель пиршеств, Кан-Толо—Полнокровный, Козын-Эркеш — Миленький, Кокин-Эркей — Милый, Алып-Манаш—Великан.

Враги богатырей, а следовательно и враги народа, всегда носят скверные имена. Сказитель не боится в самом начале произведения раскрыть сваи карты. Он одним упоминанием имени отрицательного персонажа вызывает у слушателя неприязненное, отвратное отношение к нему. Вот некоторые из таких имен: Боро-Телтей — Серый Толстяк, Саныс-кан — Лиственничная Смола, Дьети-Деек — Семь Обжор. Последнее имя стало нарицательным и ругательным. Его применяли к торговцам, а теперь под словом «деек» часто подразумевают иностранных капиталистов.

Русский народ в своих сказках остро и уничтожающе высмеял помещика, жестокого, жадного, кичливого барина.

Не менее остро ойротский народ высмеял в эпосе своих феодалов. В поэме «Ескюс-Уул» рассказывается о трех сыновьях бая Саныскана, которые — один за другим — приезжают к жене охотника Ескюс-Уула красавице Алтын-Туулай, чтобы завладеть ею. Старшему сыну бая Алтын-Туулай сказала, посмеиваясь над ним, что если он намерен ночевать у нее, то пусть закроет дымоход юрты. Байский сын провозился на юрте всю ночь, но дымохода закрыть так и не сумел. На следующий день приехал средний сын бая. Алтын-Туулай сказала, чтобы он закрыл дверь на крючок. Но это оказалось непосильным для

человека, не привыкшего к труду. Младший сын бая, тоже изнеженный и ни к чему не приспособленный, не мог в течение ночи закрыть чайник покрышкой.

Мотивы классовой борьбы присущи многим поэмам ойротского героического эпоса. Юноша Ескюс-Уул ушел от бая, жестоко эксплуатировавшего его, и встал на путь борьбы с ним. Богатырь Анчи-Мерген сообщает о себе:

В раннем детстве я стал рабом,
Жил я у бая, ходил за скотом
Тяжкая доля мне стала невмочь.
От злобного бая бежал я прочь.

— Теперь я окреп, возмужал... — говорит он в заключение и отправляется со своим другом в поход против врагов.

Богатырь Малчи-Мерген1 ведет продолжительную борьбу со своим богатым и коварным тестем и его шестью зятьями-баями. Борьба богатыря оканчивается полной победой.

1 Поэма «Малчи-Мерген» на русском языке еще не опубликована.

В эпосе немало строк, посвященных тяжелому положению трудового народа, эксплуатируемого баями, феодалами. В «Кан-Толо» есть упоминание о том, что Тельбен-Кара-кан сек народ колючим шиповником. Бай Саныскан истязал непокорных пастухов розгами и плетьми. У бая Айбычи из поэмы «Малчи-Мерген» было сто сорок пастухов. Он заставлял их работать без отдыха днем и ночью. Пастухи ходили полуголые и босые. Ноги их были изранены камнем. Однажды самый смелый из пастухов Малчи-Мерген обратился к хозяину с требованием выдать сапоги. Бай рассвирепел, хлестнул пастуха плетью и приказал слугам переломить ему ноги.

Имена баев Семи Обжор, о которых говорилось выше, заставляют меня остановиться на образе семиглавого Дельбегена-людоеда. Обычно его рисуют, как правую руку и ближайшего помощника баев и ханов. С этим чудовищем-людоедом читатель не раз встретится в сборнике Н. У. Улагашева. В поэме «Ак-кан», еще не переведенной на русский язык, повествуется о том, как на Алтай надвигался Дельбеген и на своем пути пожирал всех людей и весь скот. •

Ак-кан спрятал своих детей в пещеру, а сам с женой и войском решил принять бой. Дельбеген проглотил всех. Остались только дети в пещере, мальчик и девочка. Через некоторое время мальчик стал богатырем, вступил в бой с Дельбегеном и уничтожил его. Тут же он распорол живот людоеда, и оттуда вышел отец с матерью, вышли все люди, проглоченные чудовищем.

Этот мотив нередко встречается в ойротском эпосе. Иногда чудовище носит имя не Дельбегена, а Алмыса, одного из злых духов. Но существо от этого не меняется: и Дельбеген, и Алмыс — олицетворение феодалов, порабощавших народ.

Кроме самого Дельбегена, сын Ак-кана уничтожил его жену и двух сыновей. После этого богатырь торжественно объявил:

— Дельбегенский род уничтожен!

В поэме «Кокин-Эркей» богатырь после своей победы говорит:

Погиб кровавый подземный хан.

Разрушено ханство и ханский стан.

В подлиннике сказано еще яснее — «разрушено господство хана».

Освободив людей, богатырь обычно расселяет их по самым лучшим долинам.

Очи-Бала, уезжая на войну, дает братьям наказ:

— Пусть живет весь народ наш богато!..

Речь идет о народе, который только что был освобожден из-под байского ярма.

Жизнь измученного народа была тяжела и безрадостна. Даже праздники превращались в горе, в излишние тяготы. Во время первой своей поездки богатырь Кокин-Эркей догнал караван из двухсот верблюдов. Люди везли мясо и араку. Они объяснили богатырю:

Нами владеющий, Боро-Телтей
Дочери свадьбу справляет своей.
На свадьбу все мы должны идти,
Дары дорогие ему везти.
Сказал богатырь: вот так всегда,
Хану веселье — народу беда.

В одной, еще неопубликованной, поэме так описывается празднество при баях и ханах:

Богатые люди самые жирные куски ели,

Рабы сухожилия глодали.

Настоящее празднество, народное торжество начинается только тогда, когда богатырь, одержав победу над эксплуататором, объявляет, что отныне народ свободен от цепей рабства.

В том торжестве — все равны. Все едят из одного котла. Все пьют из одного ташаура. Все вместе играют. И песни у всех—одни.

* * *

А. М. Горький в докладе на Всесоюзном съезде советских писателей говорил:

«...чем более мощным и властным становился рабовладелец,— тем выше в небеса поднимались боги, а в массе явилось богоборчество, воплощенное в образе Прометея, эстонского Калеви и других героев, которые видели в боге враждебного им владыку владык».

Мотивы богоборчества очень сильны в ойротском народном эпосе.

Шаманы в течение многих веков запугивали народ злыми и добрыми богами.

Они говорили народу:

— Эрлик берет детей, родители которых забывают приносить ему жертву не менее двух раз в год. Он — грозный, могущественный.

Как бы отвечая шаманам, народ в своем эпосе силу и могущество, смелость и мудрость отдает не богам, а человеку. В мире нет ничего, что богатырю было бы не по плечу.

Среди героев, созданных устным творчеством русского народа видное место занимает веселый Петрушка, побеждающий «попа полицейского, черта и даже смерть» (А. М. Горький. Доклад на съезде писателей). В ойротском фольклоре есть мальчик-весельчак Ырасту (Счастливый), родной брат Петрушки. Ырасту произошел от горы и озера. Был он величиной с козленка. Но победил хана с ханшей и посрамил «великого шамана Телдекпея».

Ойротский народ сложил дерзкую поэму о борьбе охотника с богами.1 Шаман был обижен тем, что охотник Катан-Коо, возвращаясь с промысла с полными вьюками шкурок и мяса, никогда не делится с ним богатой добычей, и он пошел с жалобой сначала к злому богу Эрлику, потом к доброму богу Ульгеню. Злой бог, чтобы поддержать престиж шамана, послал на охотника шесть голодных ворон, семь прожорливых волков, злую бабушку с медным носом и, наконец, своего сына. Мудрый и сильный охотник победил всех. Тогда вышел на бой сам Эрлик и тоже потерпел поражение. В дело ввязался добрый бог Ульгень и вызвал охотника на суд. На суде мудрый Катан-Коо не только оправдался, но и посрамил всех своих врагов из подземного мира.

1 Поэма «Могучий богатырь Катан-Коо», записанная Ч. Чунижековым в долине Куюм, на русском языке еще не опубликована.

А после суда охотник расправился с последним врагом — с шаманом.

Деление богов на добрых и злых в ойротской мифологии весьма условно. Как правило, добрый бог не делает ничего доброго для людей. Когда дочь Бурхан-кана помогла оживить мальчика Эркемела, то бог прогнал ее с неба, говоря, что она, помогая людям, запоганилась от них.

На поверку все добрые боги оказываются коварнее и кровожаднее злого Эрлика, пьющего человеческую кровь. Есть у небесного бога сын Чахар-Саян (Г. Н. Потанин. «Очерки Сев.-Зап. Монголии», т. IV, стр. 370). Однажды этот божий сынок спустился на землю, чтобы убить богатыря Демичи-Ерена, жена которого ему очень понравилась. Умертвив богатыря, Чахар-Саян увидел, что дочка покойного еще красивее своей матери. Тогда он, нисколько не смущаясь, решил взять в жены обеих.

Богатырям и их женам приходится вести борьбу против всех богов, добрых и злых. И, в конечном счете, победа всегда оказывается на стороне человека. Сила, могущество и мудрость человека великолепно показаны в поэме «Козын-Эркеш». Богатырь лежит разрубленный на части. Байым-Сур пытается оживить его.

Для этого она привезла целебной воды, наломала чистого можжевельника, собрала на Алтае шестьдесят лекарств. Но ничто не помогло. Видя это, «Ульгень-бог дверь в небе открыл» и, злорадствуя, объявил женщине, что все ее старания напрасны, что муж «смерти заслуживает». В ту же минуту из-под земли вылез злой бог Эрлик и, поглаживая бороду, сказал, что Козын-Эркеш никогда ему не приносил жертвы и потому оживить его никому не удастся. Смелая женщина сердито ответила жестоким и неумным богам:

Козын-Эркеша я сама излечу,

Помощи вашей не опрашиваю.

Добрый бог поспешил захлопнуть двери неба, злой юркнул в свое подземелье. А Байым-Сур продолжала искать «живую траву» и целебную воду. В конце концов, ей удается вернуть жизнь своему мужу.

Многие богатыри, подобно смелому Ак-Тойчи, спускаются в подземелье и вступают в единоборство с Эрликом. В конце долгой и суровой битвы они вытаскивают его на «белый свет» и берут клятву в том, что он никогда не будет вылазить на поверхность земли и не будет замышлять ничего плохого против людей. Богатыри заставляют его лизать их мечи и нюхать концы их копий. После всего этого они совершают самое унизительное для него — ставят ему на лоб свое тавро так же, как ставят его на холки своих коней, пасущихся в табунах. Тем самым, «всемогущий бог» приравнивается к паршивому жеребенку, которым хозяин распоряжается, как ему вздумается.

Подземный мир в описании ойротских сказителей является точной копией стойбища кочевника-феодала, а и образе бога Эрлика не трудно узнать хана. По многим фольклорным текстам, Эрлик живет в юрте, только юрта у него железная, богатая. Эрлик, когда ему не хватает человеческой крови, занимается выгонкой араки. Он нападает на беззащитные племена, грабит народ и уводит в плен, чаще всего — девушек. Богатыри вынуждены ехать к тему и вступать в бой, чтобы освободить пленный народ.

Во время борьбы богатырей с ханами, баями и зайсанами, Эрлик всегда на стороне последних. Он всячески старается им помочь, но при этом действует как самый последний трус — подставляет ногу, из-за камня дергает за полу и т. д.

В поэме Н. У. Улагашева «Ескюс-Уул» мы встречаем интересную модернизацию злого бога, который появляется уже не и образе феодала, а в образе начальника, чиновника с серебряными медалями на груди. В тексте так и говорится, что Эрлик имеет семьдесят чинов.

Ф. Энгельс писал:

«Каждая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни...»1

1 Ф. Энгельс. «Анти-Дюринг», изд. 1933 г., стр. 229.

Ойротские боги созданы по образу и подобию ханов и зайсанов, господствовавших над народом в течение многих веков.

Выражая мечту народа об уничтожении господства феодалов, ойротский фольклор ниспровергает и богов, являющихся помощниками и заступниками поработителей.

* * *

Моральный облик ойротских богатырей, как и богатырей других народов, высок и чист. Не зря некоторым из них даны имена самых ярких звезд.

Богатырь всегда верен своему слову, своему долгу.

Когда Кёзюйке предупреждают об опасности поездки, он отвечает вопросом:

— Если ехать нужно, так зачем же бояться смерти. Лучше погибнуть в схватке, чем имя свое опозорить.

Жена Ерке-Мондура уговаривает мужа не ходить к чудовищу Кара-Куле за клыками, которые просил его добыть тесть. Богатырь отвечает:

— Раз пообещал, нельзя не идти.

Богатырь Алып-Манаш, узнав, что Ак-кан пролил много крови народа, а кости богатырей сложил горой, решает:

Покуда не сражу Ак-кана...
За самую вкусную пищу не сяду,
С милой женой ласков не буду.

Ни отец, ми мать, ни сестра, ни жена не могут отговорить его от поездки. Чтобы не волновать родных, он говорит, что едет за дочерью Ак-кана, красавицей Эрке-Каракчи, и отправляется выполнить долг, который он сам перед собой поставил.

Похож на него и богатырь Ак-Тойчи. Он сам себе говорит:

Семь плененных красавиц
Я освободить обещал.
Покуда слово не сдержу —
На родной Алтай не возвращусь.

Богатыри Козын-Эркеш и Бачикай-Кара клянутся друг другу в вечной дружбе, и эта дружба, как дружба Кокин-Эркея с Анчи-Мергеном и многих других богатырей, остается нерушимой. Часто такая дружба впоследствии скрепляется узами родства. Исключением из этого правила является Ак-Кобен в «Алып-Манаше» и Кодыр-Уул в «Козын-Эркеше». Но эти персонажи задуманы создателями поэм, как отрицательные, и клятва верности для Ак-Кобена и Кодыр-Уула являлась лишь способом маскировки.

Отправляясь на поиски сестры, Кокин-Эркей забывает обо всем. Он даже не смотрит на красавиц-невест, которых высватал для него конь. Богатырь скачет день и ночь без отдыха. У него одна цель, одна мысль — поскорее найти родную сестру и выручить ее из беды.

Часто богатырь в трудном деле заменяет своих близких. Братья юноши Очи-Бала своими неосторожными поступками вызвали войну. Они были вынуждены отправиться в поход против Тельбен-Кара-кана, но Очи-Бала, не надеясь на их силу и ловкость, поспешил отправить их домой и сам поехал на битву с ханом-грабителем.

Большой любовью окружены невесты и жены богатырей. Образы жен глубоко опоэтизированы. Свое отношение к этим образам сказители подчеркивают, прежде всего, именами, которые они дают женщинам: Кюмюжек Ару—Чистая Жемчужина, Алтын-Тана—Золотая Пуговица, Торко-Чачак — Шелковая Кисточка, Алтын-Судур — Золотая Книга, Темене-Коо—Красавица-Игла, Эрдине—Драгоценность и т. д.

В одной поэме, еще не переведенной на русский язык, говорится, что жена богатыря знала сто языков и была мудрой советчицей для своего мужа.

Жены богатырей всегда отличаются исключительной красотой и статностью. Лицо жены богатыря краше полной луны, ярче жаркого солнца. Чтобы еще больше подчеркнуть красоту женщины, кайчи изображают мужчин такими, что они при встрече с красавицей теряют дар речи и забывают о всех своих неотложных делах.

В тяжелые века бесправия и порабощения женщины, искалеченной жуткими, варварскими обычаями феодализма, развивался ойротский эпос. Но, несмотря на это, мы очень редко встречаем в фольклоре робкую и забитую женщину, подобную девушке Сын-Ару. Наоборот, мы находим смелую, сильную женщину, во всем равную мужу, а иногда и превосходящую его своим проникновенным умом (Алтын-Туулай, Алтын-Чачак и др.).

По свидетельству греков, в первом тысячелетии до нашей эры у кочевых племен Средней Азии «женщины пользовались большой свободой и даже предводительствовали на войне» («История СССР». Под редакцией проф. А. М. Панкратовой, том I, стр. 13).

Подобные мотивы встречаются в нескольких ойротских героических поэмах. Так Байым-Сур во время битвы мужа с вражеским войском вооружается ножницами и, врезавшись в гущу всадников, состригает их головы.

Девушка-богатырь Алтын-Тууди из одноименной поэмы, записанной П. В. Кучияком от его дедушки Шонкора Шунекова, вступает в бой с Эрликом и побеждает его.

Алтын-Туулай, мудрая и смелая женщина, заменяет своего мужа в опасном путешествии в подземный мир.

Девушка Баян помогает своему жениху победить врагов. Она вырывает с корнями тополь и, размахивая им; побивает вражеское войско. Это — подвиг, превосходящий многие подвиги богатырей.

Такие эпизоды, надо полагать, восходят к тому далекому прошлому, о котором свидетельствуют греки.

В жестокие века феодализма эти эпизоды поддерживались в эпосе мечтой трудового народа о равенстве между мужчиной и женщиной.

Невесты и жены ойротских богатырей, за исключением одной Эрбен-Чечен, жены Алтай-Бучая, всегда преданы жениху, мужу, семье до конца своей жизни.

Девушка Баян предпочитает смерть разлуке со своим возлюбленным.

Байым-Сур в поэме «Козын-Эркеш» говорит:

Или с ним вместе умру.
Или счастье с ним разделю,
Козын-Эркеша, друга своего,
Ни на кого не променяю.

Этим словам она остается верна. Она уничтожает Кодыр-Уула, который убил ее мужа, чтобы завладеть ею. Пользуясь ее временным вдовством, добрый бог предлагает ей в мужья своего младшего сына, злой бог настаивает, чтобы она стала его снохой. Байым-Сур отвергает притязания богов и с помощью трав и целебной воды воскрешает своего мужа.

В одном из вариантов этой поэмы Байым-Сур говорит:

— Моя жизнь кончается вместе с жизнью Козын-Эркеша.

С этими словами она берет нож и вонзает себе в сердце.

В наиболее трудном, трагическом положении из всех женщин ойротского эпоса оказывается Кюмюжек-Ару. Ей привозят человеческие кости и выдают их за кости ее мужа. Пользуясь родовыми обычаями, свекор принуждает ее выйти замуж за изменника Ак-Кобена, обрекшего ее мужа на мучительную смерть. Она не решается нарушить родовой обычай, позволяющий свекру распорядиться ею по своему усмотрению, не противится свадьбе, но во время пиршества поет:

Шелковые косы мои

Поневоле я дала расчесать,

.....

Жениха постылого

Сама я не искала.

.....

Шестирядная мягкая постель Алып-Манашу надлежать будет.

Жены богатырей отличаются большим трудолюбием. Многие из них — искусные рукодельницы, мастерицы.

* * *

Нам остается поговорить еще об обаятельном образе коня, без участия которого не проходит ни одно, даже самое незначительное, событие в жизни богатыря. Кони многих богатырей носят собственные имена. О конях говорят с уважением, называют их: Кайчи — Певец, Эрдине — Драгоценность и т. д. Поэтизация образа коня наиболее ярко выражена в превращении его в самую красивую звезду — Чолмон (зарница).

Имени богатыря всегда предшествует сообщение о масти коня, на котором он ездит. Происхождение этого простое: когда на горизонте показывался всадник, то его узнавали, прежде всего, по коню. Богатырь и его конь не отделимы друг от друга, они — друзья на вою жизнь. Богатырь силен только тогда, когда он на коне или возле коня. В поэме «Ак-Тойчи» подземный хан старается заполучить к себе богатырского коня, чтобы уничтожить его и, тем самым, обессилить богатыря. Так было и в жизни: просторы Северной и Средней Азии не знали воина без коня.

В богатырском сказании «Алтын-Мизе»1 («Аносский сборник») вороная кобылица, пасущаяся в горах, одним соском воспитывает своего жеребенка, другим мальчика Алтын-Мизе. Конь становится моточным братом богатырю.

1 Это сказание есть в репертуаре Н. У. Улагашева, но его вариант еще не опубликован.

Конь рождается в один день со своим будущим седоком и на высоких хребтах ожидает, когда тот придет за ним. Он дает себя поймать только после того, как богатырь называет свое имя.

Нередко конь приносит богатырю боевую одежду и доспехи, приносит «книгу мудрости», предсказывающую все походы, бои, важнейшие события в жизни.

Когда богатырь, спешившись, вступает в поединок с врагом, конь богатыря ведет битву с вражеским конем.

В случае ранения богатыря или смерти его на поле боя, конь отправляется на поиски «живой травы» и целебной воды, чтобы вернуть жизнь своему другу.

Конь заинтересован в счастье своего седока. В поэме «Кокин-Эркей» конь делает все для того, чтобы устроить семейную жизнь богатыря,—он сватает ему самых лучших невест.

Богатырь платит коню такой же преданностью и уважением. Когда Ак-Тойчи берет с побежденного бога Эрлика клятву не делать ничего плохого людям, он заставляет его поклясться не оскорблять коня худым словом.

В одном из сказаний («Аносский сборник , стр. 187) богатырь на вопрос — умрет ли он в борьбе — получил на листке тополя ответ, что если он не ослушается коня, то никогда не умрет.

Ак-Тойчи говорит своему коню, мудрому и вещему, как кони всех ойротских богатырей:

Ум и находчивость — у тебя,

Сила и меткость — у меня.

В своих предсказаниях и советах богатырю конь никогда не ошибается. Он настолько умен, что ему удается одурачить бога. В нескольких сказаниях конь, превратившись в дочь злого бога, проникает к нему в жилище, выпрашивает ящик с душами семи божьих сыновей и уничтожает их.

В былинах Н. У. Улагашева конь еще умнее. В «Курман-Тойчи» он побил копытами легендарных птиц Кан-Кередэ за то, что они продались хану-поработителю. Птицы хотели поймать для хана самого резвого коня на Алтае. Этот конь был предназначен для богатыря, впоследствии победившего хана и освободившего плененный народ.

Во всех известных нам ойротских героических поэмах конь умирает одновременно со своим богатырем. В поэме «Алтай-Бучай» конь говорит:

Если Алтай-Бучай не воскреснет —

И мне моя жизнь не нужна.

Здесь сказалась идеализация древнего обычая погребать вместе с умершим коня, на котором он ездил. Этот варварский обычай был широко распространен на Алтае и в некоторых долинах сохранился до самой революции. Так в долине Куюма в 1915 г. один алтаец завещал, чтобы его любимый конь был погребен вместе с ним, и родственники выполнили это завещание.

* * *

Для обозначения основных жанров фольклора у ойротов есть два слова — кожон и чорчок. Первым обозначают короткие песни, вторым - сказки и народные героические поэмы. На первый взгляд ойроты, как будто, не видят разницы между маленькой прозаической сказкой о животных и большим героическим сказанием, сложенным в стихах. Для тех и других у них существует одно слово «чорчок». Вероятно, поэтому долгое время в русских переводах ойротские героические поэмы называли сказками. Я в своих прежних статьях, следуя традиции, установленной Г. Н. Потаниным, говорил о них тоже, как о сказках, забывая при этом, что Потанин располагал не полным поэтическим текстом народных произведений, а только кратким прозаическим изложением их. Да и сам Потанин не всегда и не все из ойротского и казахского фольклора называл сказками. Одни тексты он относил к сказаниям, о других («Козы-Корпеш и Баян-Сулу») иногда говорил, как об эпосе.

Первый исследователь ойротского и казахского фольклора академик В. В. Радлов называл героические поэмы песнями.

При более близком знакомстве с ойротским фольклором не трудно заметить, что сами ойроты проводят ясную грань между жанром сказки и жанром народной героической поэмы. Сказки сказывают, а поэмы исполняют под аккомпанемент топшура особым гортанным пением — «кай». Отсюда исполнитель поэмы — певец — получил название — «кайчи». Сказочников же называют — «чорчокчи».

И по форме, и по своему существу ойротские героические поэмы, воспевающие подвиги богатырей, приближаются к нашим русским былинам.

При изучении текстов тех и других мы находим немало точек соприкосновения, близких мотивов и совпадений отдельных эпизодов. Академик Ю. М. Соколов в учебнике «Русский фольклор) писал:

«Знакомясь с поэтическими богатствами ближнего Востока, русские ученые не могли... не обратить внимания на порою поразительное сходство тюркских и монгольских сказаний с русскими сказками и былинами».

Казахи называют свои эпические народные произведения, такие как «Козы-Корпеш и Баян-Сулу», поэмами и былинами. «Козы-Корпеш и Баян-Сулу» мы находим на Алтае под названиями «Кёзюйке и Баян», «Козын-Эркеш» и «Албаты-Билек». Вообще в эпосе казахов и ойротов много родственного.

Итак перед нами не сказки, а былинный народный эпос. К сказкам я отношу только один текст из всей книги — это «Сын-Ару».

* * *

Большой интерес представляет вопрос о времени возникновения ойротского героического эпоса. Но ответить на него очень трудно, потому что история ойротского народа мало изучена. Одно несомненно, что зарождение эпоса восходит к глубокой древности, к мифам, возникшим еще в период родового общества.

Богатыри ойротского эпоса пишут свои послания на крыльях птиц. В этом выражена мечта человека о голубиной почте. А голубь, как почтовая птица, впервые был применен на Востоке около двух тысяч лет тому назад. Голубиная почта в глубокой древности была известна китайцам, с которыми тюркские народы близко соприкасались и вели многочисленные войны.

В самом эпосе есть упоминания о времени, прошедшем со дня тех событий, о которых поет сказитель. Так в поэме «Козын-Эркеш» мы находим:

Много с тех нор воды утекло,

Десять веков прошло...

В поэме «Алтай-Бучай»:

Десять веков он сказкою сказывается,

Тридцать веков песней поется.

Но это не что иное, как числительные образы, при помощи которых сказители подчеркивают древность зарождения былин. Никто из них при исполнении той или иной поэмы не вел и не мог вести счет годам ее существования.

Исторических же материалов, которые могут быть использованы для выяснения этого вопроса, крайне мало. Но имеющиеся материалы все же дают основание говорить о том, что ойротский эпос окончательно сложился в то же время, что и родственный ему калмыцкий «Джангар», то есть после распада Монгольского государства и в период создания «Ойратского союза» (1430 г.).

Н. Н. Поппе, исследуя эпос ойратов, халха-монголов и бурят-монголов, пришел к заключению, что халха-монгольский героический эпос сложился в период феодальных войн, т. е. «в XIV—XVII столетии» («Халха-монгольский героический эпос», стр. 51).

Следы феодальных распрей и войн нередко встречаются и в ойротском героическом эпосе.

В основу многих эпизодов эпоса, вероятно, положены известные исторические события, факты жизни. Один из таких фактов мы находим в былине «Когутэй», сюжет которой известен не только ойротам, но и монголам. В былине повествуется о том, как шесть богатых зятьев Караты-кана сговорились убить ненавистного им свояка Кускун-Кара-Матыра, которого тесть очень не любил за его бедность. Для осуществления своего коварного замысла они выкопали яму глубиною в семьдесят саженей, на дне ее

укрепили пику и стрелы, а сверху закрыли кошмой. Когда все было готово, они пригласили свояка в гости и усадили на кошму. Кускун-Кара-Матыр упал в яму и напоролся на пику и стрелы.

Этому эпизоду соответствуют два события, случившиеся в Монголии в середине XV века. В 1453 году хан Тайсун был убит его тестем Цабданом. После его смерти объявил себя ханом брат покойного — Акбарджи. Но ханствовать ему пришлось не долго: «он был коварным образом убит вместе со своей свитой на пиру у Эсэна. Обстоятельства этого убийства рисуются следующим образом. В большом шатре была вырыта яма, накрытая сверху кошмою. При входе хана в шатер все присутствующие подняли притворные крики радости, а затем хан вместе со свитой был убит и брошен в яму» (Н. Н. Поппе. «Халха-монгольский героический эпос», стр. 33).

Эти события могли послужить творцам былины основой для приведенного выше эпизода.

В поэме «Ескюс-Уул» между баем Саныскаком и его пастухом происходит конфликт на том основании, что пастух во время пастьбы скота занимался охотой. За это бай наказывает пастуха розгами, говоря:

Моих табунов хорошо не пасешь!

Ты вздумал охотою промышлять!

Пастух продолжает охотиться. За ним следят дозорные и доносят баю. Мне кажется, что слова бая о плохом наблюдении за стадами следует считать позднейшим напластованием, что в древности бай давал иное объяснение своему истязанию пастуха. В самом деле, за что рассердился бай на пастуха? Ескюс-Уул не потерял ни одной коровы, ни одной овцы. Значит, пас стада хорошо. К тому же, он, охотясь, добывал для себя пищу и не обращался к баю за продуктами. Следовательно, он был самым выгодным пастухом. И все-таки бай наказал его розгами. За что? Ответ на это следует искать в монголо-ойратских законах (1640 г.). во время создания которых население Алтая было подчинено монгольским ойратам. Одна из статей этого закона запрещала простым людям охотиться на землях князей. Саныскан отдает приказания, значит он был не только баем, но и начальником; имел свои охотничьи угодья.

С этими мотивами мы встречаемся и в других ойротских народных произведениях. В сказке «Серый воробышек» («Сиб. Огни» № 5—6, 1938 г., стр. 71) бай Байбарак обрушивается на собаку, бедняка, возвращающуюся с удачной охоты:

— Кто разрешил тебе моих зверей уничтожать?

Он убивает собаку, а добычу ее берет себе.

В монгольской былине «Богдо нойон Джанграй хан», возникновение которой Н. Н. Поппе относит к XIV—XVII веку, место собаки-охотника занимает «плохонький

мальчишка». Хан набрасывается на него за то, что он на ханских землях охотится без разрешения.

В Алтайской былине «Темир-Санаа» ханы Еки-Деек грозно кричат на мальчика Темир-Санаа и его сестру Торко-Чачак:

Зверей наших убивать

У кого разрешения спрашивали?

Их отец Айачи жил на земле ханов Еки-Деек и не обладал правом охоты. Ханы обещали ему предоставить это право, то в виде платы требовали себе его дочь Торко-Чачак.

В поэме «Могучий богатырь Катан-Коо», еще не опубликованной на русском языке, шаман обращается к богам с жалобой на охотника. Он говорит, что этот охотник может перебить на Алтае всех зверей. Боги приходят в ярость и решают всячески пакостить охотнику, а когда это им не удается — вызывают его на суд.

Думается, что в далеком прошлом на месте богов стояли родовые князьки, феодалы, владевшие охотничьими угодьями, а на месте шамана — их дозорные. Таких дозорных бая мы встречаем в поэме «Ескюс-Уул». В других поэмах, еще не опубликованных ни на ойротском, ни на русском языках, дозорные названы «выслежками» бая или хана.

Все сказанное выше подтверждает, что сюжеты ойротских былин и некоторых сказок окончательно сложились в тот же период, что и халха-монгольский эпос и калмыцкий «Джангар». Сложились они на основе исторических событий с одной стороны и древних мифов с другой. Н. Н. Поппе применительно к халха-монгольскому эпосу говорит следующее: «...эпические произведения... частично... явились лишь переработкою более древних произведений, восходящих еще к периоду родового общества, произведений, рисующих нам борьбу героя с мифическим существом мангусом (в ойротском эпосе многоголовому чудовищу Мангусу соответствует многоголовый Дельбеген. — А. К.), борьбу за обладание женой противника, т. е. носящую примитивный характер межродовых столкновений в родовом обществе».1

1 «Халха-монгольский героический эпос», стр. 58.

Мотивы борьбы за обладание женой противника ойротскому эпосу тоже известны. Особенно ярко они проявились в былине «Алтын-Мизе», записанной от Н. У. Улагашева, но пока еще не опубликованной.

Кроме отзвуков родового общества, ойротский эпос несет на себе многочисленные напластования близких к нам веков и десятилетий, в том числе и напластования советского периода.

* * *

Академик Б. Я. Владимирцев в предисловии к своей книге Монголо-ойратский героический эпос» писал:

«...по понятиям современных ойратов, как-либо искажать эпопею — большой грех, за который можно понести кару от гениев-хранителей и от самих богатырем, которых воспевают в той или другой эпопее».

В 1935 году ойротский кайчи Сыгыр Мамаков пел в гостях у знакомых героическую поэму «Кан-Буутай». В одну ночь он не смог ее закончить, а утром должен был уезжать домой.

— Придется дома закончить, — сказал он. — Неоконченной бросать нельзя — богатырь рассердится.

На Алтае даже сложились легенды о сказителях, которые пропускали отдельные эпизоды героических поэм. Рассказывают, что в девяностых годах прошлого столетия в Шебалинском аймаке жил известный кайчи Чийлик. Однажды он приехал в гости к своим родственникам. Слух о нем быстро облетел всю долину. Собрались слушатели, стали просить сказителя спеть поэму. Чийлик долго отказывался.

— Летом про богатырей не поют, — говорил он, улыбаясь.— Все букашки, все травы придут слушать, бабочки прилетят...

Но собравшиеся слушать его были настойчивы, и Чийлик уступил. Запел поэму «Алтай-Бучай». Он начинал петь, когда солнце скрывалось за горы и обрывал поэму, когда женщинам надо было на восходе солнца идти доить коров. Поэма заняла несколько ночей.

Закончив поэму, Чийлик направился домой. По дороге он почувствовал усталость. На перевале Кодяты (Александровский перевал) он расседлал коня, бросил на землю потник и лег отдохнуть. Едва он успел закрыть глаза, как увидел самого Алтай-Бучая.

— Ты про мою жизнь пел? — спросил богатырь, склонившись над сказителем.

— Да, я пел... — ответил Чийлик.

— А почему ты не пропел народу о том, как я боролся с одним нагим богатырем? Я тогда семьдесят семь железных гор растоптал и в золу превратил, семьдесят морей досуха вытоптал. Почему это место пропустил?

— Забыл, — ответил Чийлик и от страха проснулся, быстро заседлал коня и поспешил домой.

У своего аила он не мог даже привязать коня к коновязи. Едва успел рассказать жене о своей ошибке и о гневе Алтай-Бучая, как почувствовал себя очень плохо.

— Умираю, — сказал он и упал к очагу мертвым.

Эта легенда получила настолько широкое распространение, что Н. У. Улагашев даже в 1940 г. долгое время отказывался петь «Алтай-Бучая» для записи.

Есть вторая легенда:

В 1919 году талантливым сказитель Деенек в урочище Ашкайанту, Шебалинского аймака, пел героические поэмы в течение семи ночей. Под конец он с ужасом вспомнил:

— Ох, знаете, когда я про Кан-Декпея пел, в трех местах пропуски сделал!

Он набрал в рот чаю, но проглотить не мог. Вышел из аила. Неподалеку стояла кудрявая береза. Деенек едва дошел до этой березы, упал к ее подножью вниз лицом и умер.

— Слух о смерти Деенека прошел по всему Алтаю, — вспоминают сказители. После этого все кайчи стали петь особые концовки поэм. Одна из таких концовок, записанная П. В. Кучияком, была опубликована в предисловии к сборнику «Алтайские сказки» (Новосибирск, 1937 г.) и в журнале «Сибирские Огни» (№ 4—5, 1940 г.).

В репертуаре Н. Улагашева тоже есть концовки. Так, закончив поэму об Алып-Манаше, он поет:

Ни одного слова я не убавил,
Ни одного слова не выдумал.
Что от народа я слышал,
То и вам рассказал.

Но все это, конечно, не соответствует действительности и поется только для «успокоения богатыря». В действительности же алтайский эпос, подобно эпосу других народов, очень богат вариантами одних и тех же поэм. Каждый кайчи в известном смысле импровизатор.

Профессор Н. П. Андреев писал о сказках:

«В... живой жизни, в ...постоянных изменениях сказочного материала и заключается интерес новых сборников сказок: новая сказка часто та же, и вместе с тем всегда не та, что прежняя».1

1 Предисловие к книге М. Красноженовой «Сказки Красноярского края», 1937 г.

На вопрос Н. У. Улагашеву, что же он вносит своего в тексты, сказитель ответил вопросом:

— Как можно прибавлять? Что слышал от людей, то и пою.

Это—скромность талантливого кайчи. Многочисленные примеры, как приведенные в примечаниях к поэмам настоящего сборника, так и встречающиеся в еще не опубликованных текстах, свидетельствуют, что Н. У. Улагашев не только исполняет народные сказания, но и по-своему интерпретирует их. Его тексты «Алтай-Бучай», «Ескюс-Уул» и «Ак-Тойчи» гораздо ярче, художественно-полноценнее вариантов этих произведений, опубликованных в свое время Г. Н. Потаниным и Н. Я. Никифоровым.

Две особенности отличают тексты Н. У. Улагашева от прежних публикаций. Первая — лирические песни в героических поэмах и таких бытовых сказках, как «Сын-Ару». Это совершенно уникальное явление в ойротском эпосе. Ни от одного сказителя не было записано ничего похожего. В лучшем случае мы имели дело лишь с кратким пересказом песни, но не с песней. Н. У. Улагашев особо подчеркнул любовь ойротского народа к песне: в его репертуаре есть сказание о мальчике, который начал петь еще в утробе матери,1 с песней родился и в жизни не расставался с нею.

Вторая особенность — классовые характеристики персонажей и социальная направленность всего эпоса. Там, где у других сказителей отрицательные персонажи выступают только в роли личных врагов богатыря, у Н. У. Улагашева мы находим врагов народа, поработителей, завоевателей, эксплуататоров. В вариантах Н. У. Улагашева всегда сильнее звучат мотивы освобождения плененного народа, чем в ранее известных вариантах. Говоря об этом, мы имеем в виду дореволюционные публикации Г. Н. Потанина, Н. Я. Никифорова и других, записывавших, видимо, не те варианты, которые у народа были заветными, а те, которые прошли известную байскую «цензуру». Но при изучении текстов Н. У. Улагашева следует учитывать, что они, несомненно, несут на себе напластования советского времени.

Академик В. В. Радлов писал об исполнении эпических поэм каракиргизскими певцами:

«Всякий опытный певец поет по вдохновению, так что он не в состоянии спеть одно и то же два раза, не изменяя формы изложения. Но не следует думать, что импровизация есть постоянное сочетание новых стихов. Импровизирующий певец поступает не иначе, как и импровизатор-музыкант, который соединяет только знакомые ему пассажи, переходы и музыкальные фразы поминутному вдохновению в одну целую картину, выражающую его внутреннее настроение, и таким образом составляет новое из затвердившегося в нем старого. Так же поступает и певец эпических песен».2

1 По старым вариантам этот мальчик в утробе матери не пел, а только разговаривал.

2 Цитирую по книге М. Азадовского «Литература и фольклор», 1938 г., стр. 205.

Б. Я. Владимирцев говорил о сказителях ойратах, живущих в Северной Монголии:

«Одну и ту же героическую эпопею опытный певец может пропеть в одну ночь и в три—четыре ночи»...

Все это может быть отнесено и к ойротским кайчи. У Н. У. Улагашева нет сказаний, которые он всякий раз исполнял бы без изменений. Наоборот, при каждом пополнении текст отличается от предыдущего. При этом состояние здоровья и настроение кайчи имеет огромное значение. Одно и то же произведение он исполняет то в стихах, то в прозе.

Н.У. Улагашев уже тридцать лет (с тех пор, как у него появилась грыжа) не поет, как другие кайчи, а сказывает поэмы. Он поёт только песни, встречающиеся по ходу

действия, и поет без аккомпанемента на топшуре. Это, видимо, оставило известный след на строфике и ритмике поэм. Но этот вопрос требует особого исследования.

Ритмика Н. У. Улагашева отличается от ритмики текстов, опубликованных в сборниках «Алтайские сказки» и «Темир-Санаа». Если там количество слогов в стихе колебалось от четырех— пяти до тринадцати — четырнадцати, то у Н. У. Улагашева — только от семи до двенадцати. Одиннадцати- и двенадцатисложный размер у него встречается очень редко, преобладает в одних поэмах - семи-восьмисложный, в других — девяти-десятисложный. Рифма не постоянная, глагольная. Она строго обязательна только в «канонических строках», имеющих характер пословицы, параллелизма. Рядом с целыми страницами рифмованного стиха находятся страницы белого стиха и даже прозы.

Это характерно не только для ойротского эпоса, но и для монгольского и калмыцкого.

Об исполнении героических эпопей монгольскими ойратами Б. Я. Владимирцев писал следующее:

«... вне мелодии трудно и говорить об эпическом сложении монголов. Настоящий стих выявляется только при пении...» («Монголо-ойратский героический эпос». 1923 г., стр. 39).

Такое же значение мелодия имеет и на Алтае. И это создает дополнительные трудности для установления размера и ритмики сказаний при переводе на русский язык.

До сих пор ойротский эпос переводили белым стихом или ритмической прозой. Это, понятно, не давало читателю полного поэтического представления о подлиннике. В этой книге читатель найдёт, наряду с переводами, ритмически не отличающимися от существующих сборников, первые рифмованные переводы. Что удалось и что не удалось переводчикам — скажет читатель.

На наш взгляд, в этой книге переводчики, уже имеющие некоторое, хотя и неглубокое, знакомство с жизнью ойротов, допустили меньше ошибок в деталях, чем в текстах предыдущих сборников. Так в новых переводах Эрлик уже не подменяется Сатаной, а кожаный ташаур берестяным туесом. Нет и «золотого девятирядного трона». Но еще ни один из переводчиков не сумел выразить с предельной краткостью и ясностью, присущей оригиналу, что на месте трона — горка из девяти свернутых кошемных, украшенных золотом, ковров, наверху которых возлежит хан. Это, к сожалению, далеко не единичный пример.

Переводы, предлагаемые вниманию читателя в этом сборнике, посвящённом восьмидесятилетию талантливейшего сказителя Ойротии, являются некоторым шагом вперед по пути более глубокого ознакомления с ценнейшим поэтическим творчеством ойротского народа, возрожденного Октябрьской социалистической революцией. Они помогут русскому читателю поднять, какова творческая заслуга сказителя-орденоносца Н. У. Улагашева, и верится, что они будут способствовать дальнейшему культурному

обогащению широких кругов трудящихся нашей замечательной родины, породившей и воспитавшей таких богатырей, как Чапаев и Щорс, как сталинские соколы Чкалов и Громов, как герои Хасана, Халхин-гола и Карельского перешейка.

Источник.

Улагашев Н. У. Алтай-Бучай. Ойротский народный эпос. / Н. У. Улагашев - Под редакцией А. Коптелова. ОГИЗ, Новосибирск,1941

Переведено в текстовой формат Е. Гаврилов, 1 октября 2015 г.

Народный сказитель Ойротии

Улагашев Николай

Так с давних времен заведено у ойротов—чорчокчи (сказители) поют сказки по ночам. Поют обычно у очага, в аиле под собственный аккомпанемент топшура с двумя струнами из конского волоса.

Сказочный фольклор на Алтае особенно богат. За свою многовековую историю ойротский народ создал десятка интереснейших поэтических легенд и сказок в прозе, ярких и высокохудожественных, которые с полным правом войдут в мировую сокровищницу народного творчества. Часто невозможно найти автора сказки. Пропетая чорчокчи сказка обогащается и видоизменяется народом, приобретает черты коллективного авторства, становясь выражением народных дум и чувств.

В сказках ойротский народ воплотил свои чаяния, свою вековую мечту. Прочитайте любую алтайскую сказку: ее герой — либо богатырь, побеждающий силы природы, либо бедняк, одерживающий победу над баями и зайсанами. Ойротский народ в сказках воспевал будущую победу, свое будущее освобождение. Герои из алтайских сказок — это трудовой народ, строители цветущей социалистической Ойротии.

Николай Улагашевич Улагашев — один из старейших чорчокчи — по праву назван народным сказителем Ойротии. Полвека поет Улагашев замечательные народные сказки. В молодости лишившись зрения, Улагашев еще более развил свою врожденную богатырскую память. Большой знаток ойротского народного эпоса Николай Улагашев мог петь семь ночей подряд одну сказку. Он пел о горе народном, о его умонастроениях и надеждах на светлое будущее.

Творчество Николая Улагашева — подлинно народно и в этом его сила. Свежие образы, яркие краски, исключительное мастерство исполнения всегда отличают произведения народного сказителя, пользующегося уважением и любовью ойротского народа. Нежно звенят струны под пальцами слепого топшуриста. Его песни, согретые лиризмом, по ночам завлекают десятки слушателей из соседних аилов.

78 лет прожил Улагашев. Почти шесть десятков лет своей жизни талантливый сказитель был свидетелем нищеты и страданий своего народа, находившегося под двойным гнетом — русского царизма и местных баев и зайсанов. Когда пришла Великая Октябрьская социалистическая революция, слепой Улагашев впервые в своей жизни почувствовал, что воцарилась правда, о которой сказитель пел в лучших своих сказках, как о золотом сне.

Вокруг закипела радостная, счастливая жизнь. И слепой Улагашев становится в ряды ее строителей. Посильной работой в колхозе, словом и музыкой Николай Улагашев участвует в строительстве социалистической Ойротии.

Президиум Верховного Совета СССР высоко оценил творчество народного сказителя Ойротии, наградив Николая Улагашева орденом «Знак почета».

К сожалению, послереволюционные произведения народного сказителя не записаны и не переведены на русский язык. Ничтожно мало записано также и дореволюционных сказок Николая Улагашева. В этом ойротским областным организациям предстоит проделать большую работу. Читатели нашего края ждут сборника произведений Николая Улагашева, и они должны его получить в самое ближайшее время.

(Алтайская правда, № 43, 1939 г.)

Перевёл в текстовой формат Е. Гаврилов, 1 октября 2015 г.